Магазинчик счастья Кейт и Клары

Автор:
Эли Макнамара

Магазинчик счастья Кейт и Клары

Эли Макнамара

Cupcake. Счастливый магазинчик Эли Макнамары

Добро пожаловать в уютный городок Сент-Феликс, где летний воздух искрит романтикой и волшебством.

Мечты сбываются! Кейт открыла свой маленький ремесленный магазинчик в портовом городке Сент-Феликс.

Но вскоре Кейт обнаруживает, что магазинчик хранит тайну, и связана она с историей любви.

Джек, владелец соседней художественной лавки, решает помочь ей разгадать секреты магазинчика. Герои еще не знают, что их судьбы связаны с влюбленными из прошлого.

Смогут ли Кейт и Джек исправить ошибку шестидесятилетней давности и обрести свое счастье?

«Городок Сент-Феликс украл мое сердце». – Кэти Брамли

«Приятная история, наполненная заразительным юмором». – Миранда Дикинс

«Идеальное легкое чтение». – Sun

Свое богатое воображение Эли Макнамара объясняет тем, что росла в семье одна. В детстве она так много мечтала о приключениях, что в ее голове скопилась уйма историй, которые просились наружу. Она записывала их ради

удовольствия и выкладывала на сайте Ронана Китинга, и когда они стали настолько популярными, что были проданы в рамках благотворительного проекта по профилактике онкологических заболеваний, Эли поняла, что если ей нравится писать книги, то другим нравится их читать.

Эли Макнамара

Магазинчик счастья Кейт и Клары

Ali McNamara

KATE AND CLARA’S CURIOUS CORNISH CRAFT SHOP

Copyright © Ali McNamara, 2020

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

© Ali McNamara, 2020 This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Это первый полноразмерный роман, написанный после того, как мне диагностировали синдром хронической усталости, поэтому я бы хотела посвятить его всем моим товарищам-«хроникам», их семьям и тем, кто о них заботится.

Боритесь и не падайте духом. Мы победим.

Глава 1

– Что-то я не въезжаю, – говорит моя дочь, глядя на огромное аляповатое полотно, висящее на стене перед нами. – Я так в детстве малевала, а ты вешала мои рисунки на холодильник всем напоказ.

Я вынуждена с ней согласиться, но, учитывая, где мы находимся, тщательно подбираю слова.

– Это называется современное искусство, – шепчу я. – В него не все въезжают.

– А ты? – спрашивает Молли – на мой взгляд, по-прежнему слишком громко. – Точнее, тебе оно нравится?

Несколько человек, стоящих поблизости, переводят сосредоточенные взгляды с картин на нас.

– Молли, надо говорить тише, – снова шепчу я, не отвечая на ее вопрос. – Художественные галереи, как библиотеки, – людям неприятно, когда их там

беспокоят.

Молли скрещивает руки на груди.

– Вообще-то в библиотеке берут книги на дом. А вот кому придет в голову тащить домой эти синие кляксы, а, мам?

Я открываю рот, уже готовая согласиться, но тут слышу авторитетный женский голос.

– На самом деле это полотно – один из самых популярных экспонатов нашей галереи. Никакое другое не может похвастаться таким количеством открыток, репродукций и сумок с принтом в нашем сувенирном магазине.

Я смотрю на женщину, стоящую возле нас. Время от времени я встречаю ее в городе – в ярких шарфах и в разномастной, плохо подобранной одежде.

– А вы, наверное, здесь работаете, – вежливо откликаюсь я. – Мне кажется, я вас видела в Сент-Феликс.

– Я один из кураторов галереи, – важно произносит она, – отвечаю за новую выставку Уинстона Джеймса. Вы, я полагаю, пришли на ее открытие?

Она окидывает нас взглядом, точно пытаясь решить, не ошиблись ли мы дверью.

– Именно так, – я достаю из сумочки приглашение.

Женщина берет его и внимательно изучает.

– А, – понимающе произносит она, – местный бизнес? Ясненько.

– Да, – говорю я, забирая приглашение, – мне принадлежит магазинчик «У Кейт». – В ответ на ее недоуменный взгляд я поясняю: – Мы продаем товары для рукоделия и творчества.

– Гм. – Женщина быстро теряет к нам интерес, потому что в дверях появляются новые посетители. – Начало экспозиции там, – она машет в сторону больших стеклянных дверей. – Приятного вечера. – И затем устремляется к крупному мужчине в длинном черном плаще и фетровой шляпе с зеленым перышком. – Джулиан! Как замечательно, что вы пришли! – она рассыпается в любезностях и манерно целует его в обе щеки.

– Пойдем, – говорю я Молли, которая с интересом смотрит на эксцентричную компанию, следующую за Джулианом. – Чем скорее мы покончим с осмотром, тем быстрее отправимся домой.

Чуть позже, когда мы с Молли неловко стоим, попивая бесплатные напитки и разглядывая окружающих, – в одних сразу можно опознать жителей Сент-Феликса, другие же вовсе не похожи на туристов, зато превосходно вписываются в атмосферу картинной галереи, – меня окликает молодая женщина:

– Кейт!

– Поппи! – приветствую я знакомую хозяйку магазинчика с нашей Харбор-стрит. – Как дела? Давно не виделись.

– В последнее время я мало бываю в цветочной лавке, – морщится Поппи и, похлопывая себя по животу, поясняет: – Токсикоз.

– Ты опять беременна? – радостно спрашиваю я. – Как здорово!

– Да, опять! – довольно отвечает Поппи. – Надеюсь, что теперь, когда три месяца позади, мне, как и в прошлый раз, станет лучше. Привет, Молли! – она замечает мою дочь. – Как тебе тут?

– Нормально, – пожимает плечами Молли.

– Ты как моя падчерица Бронте. В твоем возрасте она говорила то же самое, когда родители тащили ее в подобное местечко.

Молли смущенно смотрит на Поппи.

– Замечательно, что у тебя будет малыш, Поппи, – говорю я. – Я и не знала, что ты снова беременна.

– Мы с Джейком никому не говорили, чтобы не сглазить. Но, думаю, Джейку просто требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли, что он снова станет папочкой.

– У него это будет… четвертый ребенок, да?

– Ага, и второй наш общий. Двое старших уже выросли. Бронте двадцать, а Чарли – двадцать два.

– Бронте ведь в художественном колледже? По-моему, она как-то забегала к нам за альбомом для рисования, но наш скудный ассортимент ее, кажется, не впечатлил.

– На всех не угодишь, – резонно замечает Поппи. – Магазинчики в Сент-Феликсе в основном крохотные. Тебе еще повезло, что удалось занять дополнительные помещения на цокольном этаже. Уверена, Бронте нашла в твоей лавке что-нибудь подходящее – она все время рисует. – Поппи наклоняется ближе. – И у нее выходит гораздо лучше, чем бо?льшая часть так называемого «искусства», которое висит тут. Напоминает… детскую мазню, правда?

– Пожалуй, но тут еще получше, чем в других залах. Там вообще ощущение, что на холст краску пролили. А тут, по крайней мере, что-то, похожее на картины.

– Это верно, – соглашается Поппи. – Вообще-то я пришла только затем, чтобы поддержать галерею, а ты? Здорово, что она снова заработала после ремонта. Когда ее открывают, тут всегда наплыв посетителей. Похоже, многим нравится современное искусство, одна я вот не ценитель.

Я улыбаюсь. Поппи не из тех, кто ходит вокруг да около, и ее прямота меня восхищает.

– Приятно сознавать, что скоро посетителей станет больше. Но не мне об этом судить – когда открылся мой магазин, галерея уже была закрыта.

Поппи задумывается.

– Пожалуй, да. Я и забыла, как долго она не работала. Ты приехала сюда… год назад?

– Полтора. Как раз перед моим приездом в галерее начался ремонт.

– Боже мой, так давно? Как время летит.

Слышится звяканье ложки о бокал, и в комнате воцаряется тишина, когда все посетители оборачиваются на звук.

– Дамы и господа! – Это давешняя особа. – Пожалуйста, минуточку внимания. – Она ждет, пока все замолчат. – Спасибо. Как многие из вас знают, меня зовут Офелия Фитцпатрик, и я являюсь главным куратором галереи «Лайл». Как известно, наша прекрасная галерея только что открылась после длительного и, если можно так выразиться, эпохального ремонта, поэтому, я уверена, некоторые из вас здесь впервые. Конечно же, вы все согласитесь с тем, что ремонт себя оправдал, и сегодня галерея выглядит еще изумительнее, чем прежде. – Она поводит руками, слышатся жидкие аплодисменты. – Знаю, вы также поддержите меня в том, что архитектурное великолепие – не главное в галерее, важнее то, что у нее внутри, и, как вы успели сегодня убедиться, в нашей постоянной экспозиции есть потрясающие произведения искусства.

– Потрясающие – не то слово, – шепчет Поппи, и Молли одобрительно ей улыбается.

– Но особенно отрадно то, – продолжает Офелия, – что наша первая персональная выставка в галерее «Лайл» посвящена местному художнику, который жил и творил здесь, в Сент-Феликсе, в пятидесятых годах прошлого века. Уверена, вы все уже успели насладиться и восхититься его работами, которые мы с гордостью представляем здесь, а тем из вас, кто был занят другими делами, я настоятельно рекомендую наверстать упущенное и поддаться их очарованию до окончания вечера. Но прежде чем вы ринетесь на осмотр, я с огромным удовольствием хочу представить вам того, кто может рассказать гораздо больше об этих чудесных полотнах и о самом художнике. Приглашаю на сцену того, кто знал Уинстона Джеймса лучше многих, – его сына Джулиана!

Офелия энергично хлопает в ладоши, присутствующие поддерживают ее со сдержанным энтузиазмом, а тем временем на крохотной импровизированной сцене возникает мужчина, которого мы видели раньше в плаще и шляпе, теперь он облачен в сшитый на заказ темно-синий костюм, голубую рубашку и галстук в горошек. Он экстравагантно целует Офелию в обе щеки, а затем решительно берет из ее цепких ручек маленький микрофон.

– Спасибо, Офелия! – говорит он, жестом выпроваживая ее со сцены и давая всем понять, что теперь его пять минут славы.

– Приветствую вас, друзья! – бодро обращается он к публике.

Я украдкой смотрю на Молли, но она уже улыбается и поднимает выше телефон, чтобы заснять видео.

Я закрываю рукой объектив.

– Мама!

Я качаю головой. Она неохотно опускает телефон.

– Могу я называть вас друзьями? – вопрошает Джулиан, и его утонченные черты омрачаются выражением беспокойства. – Мой отец на протяжении стольких лет был неотъемлемой частью Сент-Феликса, что я считаю всех вас его семьей и друзьями, а значит, и моими тоже.

Поппи фыркает и тотчас, желая скрыть свое веселье, делает глоток апельсинового сока.

Джулиан, похоже, чувствует скептическое отношение толпы и встревоженно глядит в нашу сторону. Он вдруг посылает мне обезоруживающую улыбку.

Я вежливо улыбаюсь в ответ.

– Это твой шанс, – бормочет Поппи, толкая меня локтем.

– Не думаю, – кривлюсь я. – У меня высокие запросы.

– Зато он при бабле, – весело шепчет Поппи. – Теперь, когда папаши больше нет, все денежки должны быть его. Если сможешь игнорировать растительность на лице и вкрадчивый голосишко – он твой.

– Хватит! – шиплю я, стараясь не расхохотаться.

– На протяжении многих лет Сент-Феликс был неотъемлемой частью жизни моего отца, – продолжает Джулиан, – и потому он любил рисовать его в своей собственной уникальной манере. – Он указывает на полотно у себя за спиной. – Поэтому я знаю, он пришел бы в полный восторг, узнав о том, что все его городские пейзажи выставлены этим летом в галерее «Лайл», чтобы вы, его жители, и все гости Сент-Феликса могли ими любоваться. – Мы поднимаем руки для аплодисментов, но Джулиан продолжает: – Более того, я уверен, что благодаря этой выставке в скором времени многие из вас, владельцев малого бизнеса, будут благодарить моего отца за еще больший приток посетителей нынешним летом. Поэтому я прошу вас поднять бокалы в знак признательности гению, каким был и остается мистер Уинстон Джеймс!

– Он меня почти убедил, – говорит Поппи, когда мы без энтузиазма поднимаем бокалы, – но потом он заявил, что нам следует быть признательными, и хотя я согласна, что туристы нам всем на пользу, но какой-то он напыщенный, не находишь?

– Он кажется очень самовлюбленным, – говорю я, оглядываясь по сторонам в поисках Молли, которая, похоже, куда-то ускользнула.

– Помпезность так и прет из него, – с присущей ей прямолинейностью говорит Поппи. – Ой, извини, Кейт, я только что видела Риту. Мне нужно поговорить с ней насчет поставки цветов на свадебный банкет в «Веселой русалке». Я мигом.

Поппи машет Рите и пробирается сквозь толпу посетителей, многие из которых теснятся вокруг Джулиана.

Куда запропастилась Молли, снова думаю я, глядя по сторонам. Сбегать – это на нее не похоже.

На самом деле нужно признать, что в последнее время это стало на нее похоже. С тех пор как несколько лет назад у Молли начался подростковый возраст, она изменилась – не физически, она по-прежнему маленькая и худенькая, а иначе. Теперь она носит джинсы, тяжелые ботинки и футболки с вызывающими принтами. И дело даже не во внешнем виде, главное, что она становится все более независимой.

Понимая, что глупо стоять столбом, когда рядом никого нет, я поворачиваюсь к ближайшей картине и делаю вид, что внимательно ее изучаю.

Поппи права: на первый взгляд его стиль напоминает детскую мазню. «Гавань Сент-Феликса на закате» значится на бирке внизу.

Хм… а что, пожалуй, думаю я, присматриваясь к холсту. Без труда узнается примечательная городская гавань с маячком вдали, а на переднем плане побеленные каменные домики, которые и сегодня стоят там, правда, сейчас в них преимущественно обосновались магазинчики, кафе и гостиницы, а не семьи рыбаков, как это было в пятидесятые. Но перспектива кажется нарушенной – возможно, намеренно? Кроме того, художник использовал в своей работе базовые линии и мазки, и благодаря этому в ней угадывается детский взгляд на рыбацкую деревушку, которую я сегодня называю своим домом.

– Эта одна из моих любимых, – слышится у меня за спиной низкий, хорошо поставленный голос.

Я разворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с Джулианом Джеймсом – от такой близости мне становится некомфортно. Он стоит с бокалом красного вина, которое медленно потягивает в ожидании моего ответа.

– В самом деле? – вежливо осведомляюсь я и снова поворачиваюсь к картине. – И почему же?

– Разве не очевидно? – Джулиан наклоняется ближе к полотну и ко мне.

– Может, вы меня просветите?

Запах дорогого лосьона и красного вина бьет мне в ноздри, между тем как я ожидаю услышать пространные рассуждения о качестве освещения, мастерских мазках, глубине и настроении.

– Это один из его бестселлеров! – смеется Джулиан, и я поворачиваюсь к нему. – Эта красотка дала больше мерча, чем все другие его картины.

– Мерча?

– Брендовой продукции, – он потирает большим пальцем об указательный. – А где мерч, там деньги! Куча денег!

– Понятно, – говорю я и ловлю себя на мысли, какой же неприятный тип этот Джулиан. – Уверена, ваш отец не задумывался о продажах, когда писал свои полотна. – Я снова смотрю на картину. В свете столь явного прагматизма она вдруг кажется чистой и невинной. Человек, создавший такое наивное произведение искусства, не мог быть настолько корыстным, чтобы предвидеть большой барыш.

– Вы шутите? Папаша был экстравагантным и безрассудным мотом, каких свет не видывал. Он обожал сорить деньгами. Чем больше, тем лучше – таков был его девиз.

– Неплохой у вас выходит портретец, – сухо говорю я.

– А! – Джулиан грозит мне пальцем. – Ясненько, зачем вы здесь. Вы – умная птичка, да?

– Вроде того, – вежливо отвечаю я, мечтая о том, чтобы кто-нибудь пришел и дал пинка мне или Джулиану, тем самым избавив меня от его общества. Может, кому-нибудь приспичит потолковать с ним прямо сейчас? Несколько минут назад к нему было не пробиться.

– Так что же привело вас сюда? – спрашивает Джулиан. – Насколько мне известно, среди сегодняшней публики местные бизнесмены и, разумеется, бизнес-леди, – добавляет он, делая изящный взмах в мою сторону. – Вы из числа вышеупомянутых?

– Да, у меня бизнес на Харбор-стрит, – гордо заявляю я. – Магазинчик рукоделия и творчества «У Кейт».

– Как мило, – перебивает Джулиан, которому ничуть не интересно. – У вас собственный бизнес.

– И я им горжусь.

– Не сомневаюсь. Вот, – Джулиан проворно сует руку в карман, – держите визитку. Возможно, вам захочется мне позвонить. Мы могли бы поболтать о бизнесе и о чем-нибудь еще… – он многообещающе подмигивает, и меня едва не тошнит. – Я часто бываю в Корнуолле. У меня здесь загородный дом и роскошная вилла на юге Франции, – он продолжает перечислять свою недвижимость, точно это дело обычное. – Плюс квартира в Южном Лондоне, только вряд ли вы много бываете в Большом Смоге[1 - Англичане часто называют Лондон «The Big Smoke» или «The Great Smoke».]. Все же приличное расстояние.

– Нет, – говорю я, забирая визитку. Мне хочется еще много чего добавить, но я прикусываю язык – не стоит устраивать сцену. – Я и на юге Франции редко бываю. Мой предел – Тонтон в Сомерсете, а дальше у меня джетлаг[2 - Расстройство сна из-за смены часовых поясов.].

– Жаль, – весело продолжает Джулиан, не особо прислушиваясь к моим словам. – Путешествия – это моя страсть… О! Очень остроумно! Джетлаг – я это запомню.

– Джулиан! – кричит Офелия, которая, к моему огромному облегчению, спешит в нашу сторону. – Вот вы где. Вам непременно нужно познакомиться с… А, это снова вы, – произносит она, даже не пытаясь скрыть презрение в голосе при виде меня. – Ну что, вечер… удался?

– Еще как, – это прекрасная возможность их разыграть, и я отвечаю нарочито радостным тоном. – Я увидела чудесные картины и только что получила приглашение погостить на роскошной вилле на юге Франции, чтобы потолковать о бизнесе… – я небрежно постукиваю по ладони визиткой Джулиана, чтобы Офелия могла ее разглядеть, и посылаю в его сторону свою самую ослепительную улыбку. – Так что можно смело сказать, что вечер удался!

– Будем на связи! – кидаю я напоследок самодовольному Джулиану и пользуюсь возможностью удрать от этой парочки. – Пока, Офелия. Спасибо за поистине уникальный вечер.

Ошеломленная, она тупо смотрит на меня. А я поворачиваюсь и делаю ноги. Да уж, скучать я по ним не буду, а вероятность моей «связи» с Джулианом примерно равняется шансам на то, что этим летом чайка не украдет корнуоллский пирожок у зазевавшегося туриста.

Глава 2

– Анита, я иду гулять с Барни! – кричу я в сторону лестницы. – Кто-нибудь из вас может подняться – ты или Себастиан?

Я пристегиваю красный кожаный поводок к ошейнику Барни, он одобрительно смотрит на меня, поэтому я чешу его за белым ушком, как он любит, а он тыкается мне в руку.

– На многое не рассчитывай, – говорю я ему. – Просто ноги разомнем – мне еще шитьем надо заняться.

На верхней ступеньке появляется Анита, а по пятам за ней следует ее младший коллега Себастиан.

– Вы мне оба не нужны, – обращаюсь я к ним. – Я ненадолго.

– Перерыв на чай, – объявляет Себастиан, хватая себя за горло театральным жестом. – Мы просто умираем от жажды, да, Анита?

Анита кивает седой головой.

– Большую часть мы распаковали, осталась всякая ерунда – вязальные крючки, иглы для вышивания… все в таком роде, мигом управимся.

– Ну, вы шустро, – я удивляюсь тому, как быстро они разобрались с многочисленными коробками, которые доставили в магазин этим утром. В поставке были принадлежности для рукоделия, в основном мелочи – пока повесишь их на крючки или расставишь по стеклянным полкам, состариться успеешь.

– А мы не сидим сложа руки, да, Анита? – Себастиан обнимает старушку за плечи. – Мы отличная команда!

– Особенно когда ты умолкаешь на минуту-другую, – Анита добродушно похлопывает руку у себя на плече.

Барни тянет за поводок.

– Ладно, идем, – говорю я ему. – Одна нога здесь, другая там. Если Молли вернется из школы раньше нас, скажите ей, чтобы надолго в магазине не зависала – пятнадцать минут, не больше, и сразу наверх за уроки. Знаю, Анита, ты будешь соблазнять ее своим домашним тортом.

– Но она его заслуживает, – улыбается Анита. – Она хорошая девочка.

– Это верно, но я также знаю, что ей интереснее проводить время внизу с вами, чем у себя наверху за уроками.

– Как тебе вчерашний поход в галерею? – спрашивает Анита. – Говорят, народу было пруд пруди.

– Да, не протолкнуться. Подумать только, какой ажиотаж могут вызвать халявные напитки и пирожки. Выставка, наверное, неплохая, но на любителя. Живопись вообще-то не мое. Надо было отдать билеты тебе, Себастиан.

Себастиан учится в художественном колледже в Лондоне, а на каникулы приезжает к родителям в Сент-Феликс и тогда помогает мне в магазине. В летние месяцы у нас такое оживление, что я даже могу позволить себе нанять парочку временных сотрудников.

– Да не, все в порядке. Я много раз бывал в галерее. И об этом … как его… Уинстоне Джеймсе почти ничего не знаю. Работы-то у него стоящие?

Я морщу нос.

– Ну как «стоящие»… скорее детские.

– Вы, конечно же, хотите сказать «наивные»! – всплескивает руками Себастиан. – Именно так всегда выражаются критики, когда картина похожа на мазню трехлетнего карапуза.

Мне нравится это в Себастиане – хотя он сам учится на искусствоведа, но совсем не похож на своих собратьев. В нем нет никакой «душной воздушности», как предположила Анита, когда я сказала ей прошлым летом, что хочу его нанять. Он называет вещи своими именами, и его прямота меня восхищает. Да, в нем жизнь бьет ключом, порой даже через край, но у него доброе сердце, он трудяга, и посетители его обожают.

– Уверена, вчера это словцо звучало неоднократно, – подмигиваю я ему. – Да-да, Барни, – обращаюсь я к золотистому ретриверу, который тыкается мне в ногу. – Все, идем!

– Забыла тебе сказать, Кейт, – говорит Анита, – утром заходил Ной из антикварного. Он говорит, у него для тебя есть кое-что интересное.

– Да ну? – удивляюсь я, прикидывая, что такого может найтись для меня у Ноя. – Ладно, спасибо. Заскочу к нему после прогулки.

Анита с Себастианом остаются чаевничать и, само собой, сплетничать, а мы с Барни быстро направляемся вниз по улице к гавани.

Мне очень повезло с сотрудниками. Сначала были только мы с Анитой – она, так сказать, «прилагалась к помещению». До меня в нем находился старомодный магазин пряжи, владелица которого, маленькая пожилая дама по имени Венди, тоже жила на верхнем этаже, как сейчас мы с Молли.

Говорят, при Венди с Анитой магазинчик был излюбленным местом встреч городских кумушек и пользовался большой популярностью. Впрочем, я почти уверена, что он особо не приносил дохода. Когда хозяйка скончалась, было много разговоров о том, что же теперь станет с «Пряжей от Венди», поэтому, когда появилась я и сказала, что хочу открыть магазин товаров для рукоделия и творчества, арендодатель чуть не расцеловал меня от радости, что его любимое местечко будет снова работать практически в том же направлении. Он даже предложил снизить арендную плату, если я соглашусь нанять Аниту, хотя тогда у меня были сомнения на ее счет. Теперь, оглядываясь назад, я и представить себе не могу, что бы я делала без ее опыта и советов, как сделать магазинчик привлекательным для местных жителей и туристов, наводняющих Сент-Феликс.

Я говорю «магазинчик», но вообще-то мы торгуем на двух этажах. Чтобы продавать как можно более широкий ассортимент товаров для творчества, я отремонтировала цокольный этаж. А на первом этаже представлены текстильные изделия, которые я в основном шью сама, иногда с помощью городских мастериц – их я смогла нанять, когда прошлым летом продажи действительно взлетели.

Я всегда так мечтала открыть собственный магазин, что порой хочу себя ущипнуть, убедиться, что это не сон: я не просто «живу мечтой», а еще и зарабатываю неплохие деньги.

Летом во время отлива собакам разрешается гулять по огромному пляжу гавани – песчаной отмели, которая обнажается, когда отступают волны. Мы с Барни движемся по сложной траектории среди многочисленных рыбацких лодок, которые отлив разбросал то тут то там на сыром песке. Наконец я отстегиваю поводок, и Барни вприпрыжку несется по пляжу, пока не натыкается на первый интересный запах – когда он зависает над ним слишком долго, я свистом зову его обратно. Когда мы отходим настолько далеко, что видим волны, накатывающиеся на песок, Барни поднимает на меня взгляд, исполненный надежды.

– Ну уж нет, никакого купания! – говорю я ему, прежде чем он успевает плюхнуться в воду. – Сегодня у меня нет времени мыть и сушить перепачканную песком собаку. Завтра поплаваешь, если будешь хорошо себя вести.

Я достаю из кармана мячик и бросаю его к берегу, подальше от соблазнов моря.

Так мы играем минут пятнадцать – я бросаю мячик, а он гоняется за ним по песку, держась подальше от отдыхающих, которые беспечно гуляют по импровизированному пляжу и в ус себе не дуют. Затем я подзываю Барни, и мы направляемся обратно к гавани. Уже начинается прилив, и я прекрасно знаю, как быстро набегут волны и приведут с собой глубокое опасное море.

Сколько беспечных отдыхающих оказалось у него в плену на высоких песчаных отмелях среди плещущихся волн. В Сент-Феликсе это уже традиция – по крайней мере раз в неделю кого-нибудь приходится спасать.

– Ну вот, – говорю я, пристегивая поводок, – пойдем обратно длинной дорогой и по пути заскочим к Ною.

Барни не против, чтобы мы вернулись в магазин кружным путем, и весело бежит впереди. Мы пробираемся мощеными улочками и наконец приходим к «Ноеву ковчегу» – прелестной антикварной лавке, которая существует в Сент-Феликсе с незапамятных времен.

Я приоткрываю дверь, колокольчик над входом звякает, и я вижу, как из дальней комнаты появляется Ной.

– А, это ты, Кейт, – говорит он, выходя в лавку. – Я тебя ждал.

– Мы с Барни. Он немного в песке – не хочу его впускать.

– Я держу антикварную лавку возле моря, Кейт. Так что песком меня не напугаешь, – он улыбается мне. – Заходи с Барни. Кларис ему обрадуется.

Кларис – его собачка. История, как у нас с Анитой, – Ной получил Кларис в наследство от своей тетушки вместе с лавкой.

Я завожу Барни, и собаки радостно обнюхиваются у нас под ногами.

– Анита сказала, у тебя ко мне дело, – осторожно начинаю я, по-прежнему недоумевая, что же хотел Ной. Я хорошо знаю его подругу Ану. Она известна по

всей округе и вместе со своим красным минивэном неизменно участвует во всех городских мероприятиях – от свадеб до школьных балов. На своей «ромашишке», как она называет минивэн, Ана успевает повсюду, вызывая улыбку у каждого, кого встречает по пути.

– Да, верно. Я тут разбирал вещи в одном доме, и осталась уйма всего, – объясняет Ной, ведя меня вглубь помещения. – Прежняя хозяйка, пожилая дама, должно быть, увлекалась искусством, потому что на чердаке оказалось битком всякой всячины – картины, принадлежности для рисования и вот еще, – он указывает на старый деревянный кофр.

– Похоже на швейную машинку, – говорю я, когда он щелкает латунными застежками и снимает чехол. – Ну да, это швейная машинка! Причем довольно старая.

– Я бы сказал, «винтажная», – подмигивает мне Ной. – Полагаю, начала двадцатого века, а может, и раньше.

– Пожалуй, – говорю я, разглядывая ее. – Только она вряд ли работает.

– Думаю, эта старушка сшила свой последний подъюбник много лет назад. Но я и не предполагал, что ты будешь на ней шить. Я думал, пригодится для оформления. Она будет прекрасно смотреться рядом с твоими изделиями.

– Да, она могла бы отлично встать в витрине, если расчистить место. Сколько ты за нее хочешь?

– Нисколько, – мотает головой Ной. – Честно говоря, ты сделаешь мне одолжение, если заберешь ее. Денег за нее не выручишь, особенно в таком состоянии, а кроме того, в прошлом году ты помогла Ане украсить «ромашишку». За нами должок.

– Глупости! Мне было приятно сшить вам подушки.

Я снова смотрю на швейную машинку.

– Ну да, она отлично подойдет для декора… но я должна что-то дать тебе за нее, Ной.

– Не стоит, Кейт, я уже удачно продал старые принадлежности для рисования, которые там были. Вчера один парень заглянул посмотреть и сразу все схватил. Он открывает магазин художественных товаров и сказал, что они будут классно смотреться. Тогда-то я и подумал о тебе насчет машинки.

– Очень вовремя! И где же будет этот магазин – неподалеку?

– Ну да, выше тебя по улице, на месте старой мясной лавки.

– Что? – восклицаю я. – Здесь, в Сент-Феликсе? Говоря «неподалеку», я думала, речь идет о Пензансе или Ньюлине…

– Вообще-то он только обустраивается. Думаю, откроется через недельку-другую. Славный парень. Судя по всему, только приехал.

– Но ведь художественные товары продаем мы, – мрачнея, говорю я. –
В цокольном этаже.

– А, ну да. – До Ноя внезапно доходит, что меня так задело. – Я не подумал. Ну это же не создаст тебе особых проблем, верно? Посмотри, сколько у нас кондитерских – и все они получают прибыль.

– Спрос на пирожки гораздо выше, чем на художественные товары, это совсем другое дело. Взгляни иначе: если в Сент-Феликсе откроют прокат винтажных автомобилей, вас с Аной это встревожит?

– Разумеется, – кивает Ной. – Твоя мысль понятна, Кейт, только вряд ли ты что-то можешь поделать, раз он уже вот-вот откроется.

– Ну, это мы еще посмотрим, – говорю я, скрещивая руки на груди.

Глава 3

Я еще раз благодарю Ноя, обещаю вернуться за машинкой и ухожу. Затем мы с Барни идем назад к Харбор-стрит, и в голове у меня просто гудит.

Разумеется, Ной прав – я не могу никому физически помешать открыть здесь художественный магазин, но если это произойдет, то, безусловно, повлияет на наши доходы. У нас продавались товары для рукоделия и творчества. Мы и не пытались стать специализированным художественным магазином, просто помещение не позволяло, но мы были единственным местом в Сент-Феликсе, где можно было купить краски, поэтому, когда у одного из многочисленных художников-любителей, которые ежегодно слетаются в наш город, заканчивался ультрамарин, лазурный или любой другой оттенок синего или зеленого, как это нередко случалось, у него была одна дорога – к нам.

– Я сейчас опять ненадолго убегу, – говорю я Аните, запуская в дом Барни, который направляется прямиком к миске с водой за прилавком. – Вы с Себастианом справитесь без меня, да?

– Ну конечно, дорогая, – отвечает Анита, складывая образцы стеганой ткани аккуратными треугольниками. – Надеюсь, дело приятное.

– Не совсем, – быстро говорю я, пока не желая вдаваться в подробности. – Я мигом. Молли уже пришла?

– Да. Я отправила ее наверх делать уроки, как ты сказала.

– Анита, ты чудо!

– Кусочек торта для утешения ей не повредит, – Анита складывает ткань и безмятежно улыбается.

Я выхожу из магазина и быстро иду по Харбор-стрит. По пути машу местным пекарям Анту и Деку из «Синей канарейки». Как обычно к вечеру, их витрина почти пуста, а в кондитерской гораздо тише, чем в дневные часы, когда очередь вытягивается до мостовой и люди терпеливо ждут изысканных тортов, сэндвичей и, конечно же, традиционных пирожков.

Старая мясная лавка, о которой говорил Ной, находится не на Харбор-стрит, а выше, на небольшом перекрестке, где располагаются «солидные» заведения, в том числе аптека, банк и киоск печати.

Я обратила внимание, что в ней идет ремонт, когда шла мимо несколько недель назад, но поскольку окна были закрыты ставнями, я даже не задумалась о том, что в ней планируют открыть.

Зато теперь только об этом и думаю.

Я разглядываю дом, в котором была старая мясная лавка, а мимо меня по тротуару идут знакомые.

– Привет! Чудный денек, да? – обращаюсь я к ним.

Одно из окон наверху открыто, и до меня доносятся звуки радио. Там точно кто-то есть.

– Эй! – кричу я в открытое окно. – Кто-нибудь дома?

Кто бы там ни был, он явно не слышит меня из-за музыки. Я подхожу к двери и стучу, а затем снова отступаю назад.

Безрезультатно.

Я снова барабаню в дверь, на этот раз более настойчиво.

– Аллё, – раздается из окна, – чем могу помочь? Мы еще не открылись.

– Да, вижу, – кричу я в ответ и отступаю назад, чтобы понять, с кем имею дело. – Я хотела бы переговорить с владельцем, если он на месте.

– Это я. – Из окна выглядывает улыбающийся мужчина в бейсболке. – Чем могу быть полезен?

– Может, вы спуститесь и откроете дверь? – спрашиваю я. – Мне вообще-то неудобно кричать в окно.

– А мне неудобно открывать дверь.

– Почему?

Он отводит глаза, а затем вздыхает.

– Можете мне поверить. Что вам нужно? – слегка раздраженно спрашивает он. – Я сейчас немного занят.

Прелестно.

– Я хотела поговорить с вами насчет вашего магазина.

– О чем? Вам нужна работа? Я пока никого не нанимаю.

– Вовсе нет. Вообще-то у меня свой магазин.

– Поздравляю! – ухмыляется он. – Значит, мы с вами коллеги. Повезло так повезло.

Не могу сказать, произносится ли это с сарказмом – он по-прежнему скалится на меня сверху и невинно смотрит темно-карими глазами в ожидании ответа.

– Слушайте, я не готова вести подобный разговор у всех на виду, – говорю я ему. – Есть вещи, которые… я хотела бы обсудить лично.

– Да ну? – я вижу, как его брови ползут вверх. – Звучит интригующе. Я тут закончу через… – он смотрит на часы, – пожалуй, через час. Встретимся в пабе у гавани, скажем, в… шесть? За кружкой пива мы можем обсудить все, что вам заблагорассудится.

– Вы имеете в виду «Веселую русалку»?

Он кивает.

– Ладно, – вздыхаю я, – если вы не готовы спуститься и поговорить со мной сейчас… – Я жду в надежде, что он изменит свое решение.

– Не готов.

– В таком случае придется мне, видимо, встретиться с вами в шесть.

– Отлично. – Его голова исчезает в окне. – Если на этом у вас всё, – добавляет он, снова появляясь через несколько секунд, – потому что некоторым из нас, владельцев магазинов, приходится работать. – Его голова снова исчезает, и окно захлопывается.

Я закатываю глаза и в отчаянии трясу головой. Затем разворачиваюсь и иду вниз по улице.

Б-р-р! Вот же неприятный персонаж, но если я хочу больше разузнать о его магазине, мне придется уступить и встретиться с ним в пабе.

За исключением Молли и Барни, ничто не волнует меня больше, чем мой магазинчик и его сотрудники. Я из кожи вон лезла, чтобы сделать его таким, как сейчас, и твердо намерена выяснить, в какой мере этот самозванец может помешать нашему успеху.

Глава 4

– И с кем же у тебя свидание? – спрашивает Молли.

Мы с ней наверху у меня в спальне – я сижу за туалетным столиком и пытаюсь расчесать свои длинные густые волосы.

– Говорю тебе, это не свидание! – настаиваю я, наконец-то продравшись щеткой сквозь спутанную прядь, над которой бьюсь уже несколько секунд.

Я придирчиво разглядываю себя в зеркале. Определенно, выгляжу лучше, чем полчаса назад, когда, закончив дела в магазине, пошла в душ. Распущенные волосы мне идут. Обычно я собираю их в высокий хвост, отчасти потому, что в магазине так удобнее, а отчасти потому, что в Сент-Феликсе практически всегда дует сильный морской бриз.

– Я просто встречаюсь с хозяином нового художественного магазина, о котором мне рассказал Ной.

– Чтобы осложнить ему жизнь, да? Мне Себастиан сказал.

– Нет, – говорю я, раздумывая насчет макияжа. Вид слегка бледноватый и круги под глазами. – Я всего лишь хочу выяснить, чем именно он намерен торговать и не отразится ли это на нашем бизнесе. Планирует ли он продавать только товары для живописи или может расширить ассортимент…

– Он прикольный? – спрашивает Молли.

– Кто?

– Парень, с которым ты встречалась. Как его зовут?

– Он не сказал. – Я тянусь за блеском для губ. – У нас как-то не дошло до формального знакомства.

– Свидание вслепую! – взвизгивает Молли. – Класс!

– К твоему сведению, свидание вслепую – это когда знаешь, как человека зовут, но в глаза его не видел. А здесь все с точностью до наоборот.

– Так ты не ответила. Он прикольный?

Я отворачиваюсь от зеркала и смотрю на нее. Молли развалилась на моей кровати, одним глазом косится в телефон, другим следит за мной.

– Какая разница? Но нет, пожалуй. Я видела его через верхнее окно, и он был в кепке.

Молли задумывается.

– Что за кепка?

– Ээ… кажется, бейсболка. А что?

– С логотипом?

– Я не знаю! При чем тут это?

– Потому что, если бы знали, что ему нравится, мы могли бы что-то понять про него.

Я вздыхаю и поворачиваюсь к зеркалу.

– Это неважно, Молли. Как я уже говорила, это не свидание.

– Но ты красишься. Ты никогда не красишься.

– Иногда крашусь.

– Только если хочешь произвести впечатление на кого-нибудь.

– Я хочу сегодня вечером чувствовать себя уверенно, вот и все. Тебе известно, что для меня значит магазин. Я хочу убедиться, что ничто не угрожает нашему успеху, к которому мы так упорно идем с тех пор, как приехали сюда.

– Ага, я в курсе, – Молли поднимается и садится нога на ногу. – Что ты всегда мечтала открыть магазин и продавать свои изделия. Что тебе пришлось пожертвовать карьерой, когда родилась я, и что только сейчас ты наконец-то оказалась там, где всегда хотела быть.

– В целом верно, – я немного подкрашиваю ресницы. – Только по-твоему выходит, что твое рождение мне помешало.

– А разве нет?

– Ну, самую малость, – я смотрю на ее отражение в зеркале. – Но ты ведь знаешь, по-другому я бы не хотела. Возможно, благодаря ожиданию все сложилось куда лучше, чем могло бы быть тогда. Все приходит к тому, кто…

– …умеет ждать. Ага, слышали уже. У тебя, мамочка, найдется воодушевляющая фраза на все случаи. Тебе надо завести страницу в Instagram.

– Спасибо, мне и так забот хватает с той, что для магазина.

– А я говорила – давай я ею займусь.

– Тебе нужно сосредоточиться на учебе.

– Я могла бы и магазин в соцсетях продвигать. Ты платила бы мне…

Я поворачиваюсь к ней с грустной улыбкой.

– Так я и знала!

– Классно выглядишь, мамочка, – Молли смотрит на меня, склонив голову. – Действительно классно. Возьми себе за правило.

– И на том спасибо. – Я поднимаюсь и бросаю взгляд на часы. – Черт возьми, уже так поздно? Пора убегать. Пожелай маме удачи.

Молли поднимается с кровати, и мы быстро обнимаемся.

– Мама спешит на свидание, – говорит она, отступая назад и снова меня разглядывая. – Дальше-то что?

– Сколько раз тебе говорить: это не свидание!

«Веселая русалка» находится неподалеку от магазина, и по дороге к гавани я слышу, как колокола на церкви бьют шесть часов. Погода великолепная, город еще полон отдыхающих, которые наслаждаются вечерним солнцем.

Хозяин нового магазинчика сидит с кружкой пива за деревянным столом перед пабом. Сейчас он без бейсболки, и я вижу, что у него коротко стриженные вьющиеся каштановые волосы. На нем очки-авиаторы и белая рубашка, которая плотно облегает накачанную грудь и широкие плечи. Заметив меня, он машет рукой.

– И снова здравствуйте! – улыбаясь, говорит он, но не встает. – Составите мне компанию?

– Спасибо, – отвечаю я, собираясь присесть. – А, надо же сначала что-нибудь взять. Вы еще будете?

– Нет, спасибо. – По непонятной мне причине он выглядит слегка сконфуженным.

– Тогда я себе принесу, ладно? Я мигом.

Мужчина остается за столом – непременно нужно узнать, как его зовут, – а я направляюсь в паб. Рита, хозяйка, быстро меня обслуживает.

– Что будешь, дорогуша? – спрашивает она. – Нечасто тебя здесь увидишь… особенно так рано.

– Только апельсиновый сок со льдом. У меня встреча.

– Ого! – восклицает Рита, доставая бутылку из-под барной стойки. – Как увлекательно!

– Ничего подобного. Это по делу.

– А, – не скрывает она своего разочарования, бросая в стакан лед и наливая апельсиновый сок. – Какая скука. Я ожидала чего-то более волнующего. Обожаю романтические истории.

– Ты слышала про магазин, который будет на месте старой мясной лавки? – Я протягиваю ей пятифунтовую купюру и намеренно пропускаю мимо ушей ее замечание. В Сент-Феликсе Рите известно всё про всех, поэтому она просто обязана что-нибудь знать.

– Это ведь будет художественный магазин, да? – говорит она, доставая сдачу из кассы. – Мужчина, который им заправляет, сейчас пьет пиво снаружи, если хочешь с ним поговорить. А… так это и есть твоя деловая встреча?

– Ну да, – я принимаю от Риты две монеты.

– Славный парень. Хотя на его месте я бы не стала открывать магазин.

– Что ты имеешь в виду?

Тут в паб вваливается огромная компания, и Рита вынуждена прервать нашу беседу ради интересов бизнеса.

Когда я возвращаюсь назад к столу со стаканом, солнце уже так низко над горизонтом, что мне приходится прикрывать глаза рукой от его слепящего света. Я сажусь напротив мужчины и лезу в сумку за солнечными очками.

– Так лучше, – говорю я. – А без них почти ничего не видно – настолько вечером в гавани яркое солнце.

Мой собеседник улыбается.

– Закат будет потрясающий. Только не говорите, что здесь бывает другая погода.

– Рада бы. Самое подходящее слово для местной погоды – переменчивая. У нас тут свой микроклимат. Здесь может быть солнце, а в нескольких милях дальше по побережью – лить как из ведра, и наоборот.

– Так я и думал. Тогда тем более нужно ценить этот шикарный вечер. Надо жить настоящим, верно?

– Думаю, да. Я толком не представилась – меня зовут Кейт.

– Джек. – Мужчина протягивает руку. – Приятно познакомиться, Кейт. Ненавижу говорить о делах, но вас, как мне сегодня показалось, что-то сильно тревожит. Чем могу быть полезен?

– Я просто хотела узнать, что за магазин вы открываете, – как бы небрежно говорю я, отпивая апельсинового сока. – Говорят, художественный?

– Именно так.

– И вы будете продавать только товары для живописи?

– В основном да. Я заметил брешь на здешнем рынке, а учитывая, сколько народу ежегодно приезжает сюда рисовать, было бы глупо не заткнуть ее, скажем так.

– В моем магазине продаются товары для живописи, – говорю я, по-прежнему спокойным тоном. – И уходят влет. Вы не представляете, какой спрос на оттенки синего для морских пейзажей.

– И я о том же! Тут позарез нужен приличный поставщик художественных товаров. А у вас что за магазин?

Я скрежещу зубами. Он что, не понимает, как это грубо? Приличный поставщик, надо же!

– Мне принадлежит магазинчик рукоделия и творчества «У Кейт» на Харбор-стрит, – многозначительно говорю я.

– А, да, кажется, я его видел. У вас продаются всякие домашние безделушки – грелки на чайники, сумки и тому подобное.

– Это не просто безделушки. В основном я сама разрабатываю дизайн и делаю их – с небольшой помощью здешних мастериц, так что весь наш товар – ручной работы и единственный в своем роде. Я сама делаю всю машинную вышивку.

Джек смотрит на меня с веселым видом.

– Спокойно! Я не имел в виду ничего плохого. Звучит круто. И что, есть спрос?

– Причем очень большой.

– Рад за вас. Но вы говорите, что также продаете товары для живописи? А где именно?

– На цокольном этаже магазина. У нас там представлен широкий ассортимент материалов для живописи и декоративно-прикладного творчества.

– Ясно… на цокольном этаже. Понятно, почему я не заметил.

– Вообще-то внутри магазина есть указатель, а в витрине, к вашему сведению, табличка.

– Слушайте, – Джек поднимает руку, – зачем так агрессивно? Я не наезжаю на ваш магазин. И в мыслях не было. Мне казалось, в этом городе все владельцы магазинов поддерживают друг друга.

– Именно так.

– Тогда в чем проблема?

– Вы залезаете на мою территорию.

На лице у Джека появляется изумленное выражение, он снимает очки.

– Простите … что?

– Вы залезаете на мою территорию, – повторяю я. – Продавая художественные товары, вы будете отнимать у нас часть выручки.

– Ясно, – понимающе кивает Джек. – Вы уж простите, если я позволю себе не согласиться? В моем магазине будут продаваться специализированные

художественные товары, а не просто акварельные краски и детские раскраски.

Я раскрываю рот от удивления.

– Мы не продаем детские раскраски, – говорю я, оправляясь от оскорбления.

– Но ведь акварельные краски продаете? – ухмыляясь, говорит он. – Ну же, скажете «нет»?

Я поджимаю губы.

– Так я и думал, – произносит он, откидываясь на спинку стула.

Я настолько раздражена, что не замечаю, к чему он клонит.

– Да как вы смеете? Сидите здесь, оскорбляете меня и мой магазин, – говорю я как можно спокойнее. – Вы хоть понимаете, как грубо себя ведете?

– Ну что вы, Кейт, я просто над вами прикалываюсь, – с невинным видом говорит Джек. – Извините, если обидел. Такая у меня натура. Привык стебаться и думаю, что все вокруг тоже уважают стеб. Надо немного тормозить, когда знакомишься с новыми людьми.

– Да, не помешало бы, – еще не совсем успокоившись, отвечаю я.

– Слушайте, я не хочу никому на ноги наступать. Хотя идея-то заманчивая. – Он закатывает глаза. Я смотрю на него, не понимая, что он имеет в виду. – Разумеется, в моем магазине не будет продаваться ничего такого, что может сильно помешать вашему бизнесу. Клянусь. Ни одной вязальной спицы! – он вскидывает руку к виску и четко салютует мне. – Честное скаутское.

Мое напряжение немного ослабевает, я слегка улыбаюсь ему.

– Очень на это надеюсь.

– Так-то лучше, – говорит Джек. – Ну что, мир и еще по кружке?

– Мне, пожалуй, уже пора, – я бросаю взгляд на часы. – И стакан почти полный.

– Жаль. А я, с вашего позволения, смотаюсь себе за пивом.

– Конечно.

И в этот самый момент, когда он начинает ловко продвигаться к двери паба, я впервые обращаю внимание на то, что каким-то непостижимым образом не заметила прежде.

Джек передвигается на инвалидной коляске.

Глава 5

Я смотрю на дверь, за которой только что скрылся Джек, и пытаюсь быстро собрать мысли в кучу.

Как я могла не заметить, что он в инвалидной коляске? Да, этим вечером солнце невероятно яркое, и в какой-то момент я едва не ослепла, когда вышла из паба, но неужели я была настолько занята собственными проблемами, что не заметила, что он инвалид?

Я вспоминаю нашу первую встречу и как он отчаянно не хотел спускаться, чтобы открыть мне дверь магазина. Не потому ли, что ждать пришлось бы слишком долго?

А не так давно я подумала, как негалантно было с его стороны не подняться мне навстречу.

Черт побери, Кейт! Тебе давно пора смотреть на вещи шире, ругаю я себя. Ты вот переживаешь из-за продажи кистей, а Джек – в его-то положении – пытается открыть магазин.

– А, вы еще здесь, – говорит Джек, появляясь из двери паба. Я наблюдаю за тем, как ловко он движется по узкому проходу назад к нашему столику. – Я думал, вы ушли.

– Нет, пока здесь, – говорю я, чувствуя себя очень неуютно. Нужно ли как-то дать понять, что я раньше не замечала, что он на коляске, или просто промолчать?

– Вас быстро обслужили, – вместо этого говорю я для поддержания разговора.

– Всегда так, – говорит Джек, ставя на стол кружку, которую прежде держал на коленях. – При виде этой штуки люди расступаются.

– А-а… – говорю я, не зная, как реагировать.

Джек смотрит на меня не то смущенно, не то насмешливо.

– В любом случае, я рад, что вы все еще здесь, – он снова располагается за столом. – Я пока мало кого знаю в Сент-Феликсе. Хорошо, что познакомился с вами… пусть даже вы считаете, что я могу навредить вашему бизнесу.

– Нет-нет, – отмахиваюсь я. – Вопрос улажен. На этот счет не беспокойтесь.

Джек прищуривается, обдумывая мой внезапный поворот на 180 градусов.

– Вы не знали, что я в инвалидной коляске? – вдруг говорит он.

– Что вы имеете в виду? – с невинным видом спрашиваю я, поднимая бокал – зря все выпила, пока его не было, – и неловко ставлю пустой стакан на деревянный стол.

– Я имею в виду, что пока я не отправился за пивом, вы не замечали, что я в инвалидной коляске.

– Пожалуй, нет, – пожимаю я плечами.

– И поэтому вы вдруг стали такой лапушкой – из жалости ко мне?

– Нет.

– Да ну? – Джек вскидывает темные брови.

– Ок, – вздыхаю я, – я действительно не знала, что вы инвалид, когда днем барабанила вам в дверь, и да, я только сейчас заметила, что вы на коляске. Это же не преступление?

– Нет, – качает головой Джек. – И менять свое отношение к человеку только потому, что он не такой физически полноценный, как вы, тоже не преступление. Но это не означает, что мне это нравится.

Он долго, медленно и сосредоточенно пьет пиво.

– Извините, – тихо говорю я. – Я не хотела вас обидеть.

– Все еще лапушка?

– Слушайте, что вам от меня надо? – громко рявкаю я и поспешно озираюсь на сидящих вокруг завсегдатаев паба, но они слишком заняты своими разговорами и не обращают внимания на мою вспышку гнева. – Я извинилась, и мне действительно жаль. Что еще я могу?

– Просто воспринимайте меня, как любого другого засранца, – улыбаясь, говорит Джек. – Больше я ни о чем не прошу. Поначалу ваш характер привел меня в восхищение, а потом вы повели себя так, как люди поступают в 99 процентах случаев при встрече со мной – стали относиться ко мне снисходительно.

– Вовсе нет!

Джек просто пожимает плечами.

– Ну да… возможно, чуть-чуть, но я просто удивилась… что не заметила это раньше – я хочу сказать, коляску.

– Будем считать, что это комплимент, – Джек смотрит мне прямо в глаза, отчего я ощущаю легкую нервозность. – Обычно всегда сначала замечают коляску, а лишь потом меня. Я всегда на втором месте.

– Уверена, это не так.

– Доводилось сидеть в коляске?

– Нет.

– Тогда откуда вам знать?

Над столом повисает тишина, и я снова с тоской смотрю на пустой стакан.

– Хотите еще? – указывает на него Джек.

– Нет, все в порядке, я сама, – я приподнимаюсь, а потом передумываю и решительно усаживаюсь назад. – Да, пожалуйста, – говорю я, отправляя стакан ему через стол. – Только сейчас диетическую колу.

Джек смотрит на стакан, а затем одобрительно кивает мне.

– Колу так колу!

– Итак, – говорю я, когда мы снова сидим за столом, на этот раз по одну сторону, чтобы любоваться прекрасным закатом солнца в вечернем небе над гаванью. – Что навело вас на мысль открыть здесь магазин?

После того как Джек вернулся с моим напитком, последние минут десять мы вежливо беседовали, в основном о Сент-Феликсе и каково вести тут бизнес, и я выяснила, что для Джека открытие магазина – это первый такой опыт.

– А почему именно сейчас? – спрашиваю я, хотя на языке вертится другой вопрос – Почему вы открываете магазин, будучи инвалидом в коляске? – но я слишком вежлива (или труслива?), чтобы спрашивать об этом напрямик, пусть

даже мне это действительно интересно.

– Вы имеете в виду, почему я хочу открыть магазин, сидя в инвалидном кресле? – спрашивает Джек, и я, покраснев, киваю.

– Пожалуй, люблю решать сложные задачи.

– Но ведь должно быть что-то еще?

– Да, возможно. – Он не продолжает свою мысль.

– А именно?.. – внезапно смелею я. – Что? – спрашиваю я, когда он поворачивается и смотрит на меня. – Вы же сами хотели, чтобы я была с вами честна.

– И я ценю это, Кейт, правда. Но я бы предпочел не говорить об этом прямо сейчас, хорошо?

– Разумеется, – киваю я. Я зашла слишком далеко.

– Да не переживайте вы так, – Джек кладет свою руку поверх моей, лежащей на столе. – Мне нравится, что вы говорите мне все прямо. Все бы так.

Я опускаю взгляд на его руку и замечаю татуировку, выглядывающую из-под закатанного рукава рубашки.

Джек замечает мой взгляд.

– О господи, простите! – восклицает он, отдергивая руку. – Ну вот, я тоже переступаю черту.

Я собираюсь сказать, что это ерунда и неважно, но тут он со стуком ставит на стол пустую кружку.

– Мне пора! – он смотрит на запястье, где должны быть часы, а потом понимает, что их там нет. – Дела, знаете ли. – И начинает откатываться от стола.

Я поспешно встаю, чтобы пропустить его.

– Я отправлю вам приглашение на открытие магазина!

– Конечно… – по-прежнему стоя, говорю я и наблюдаю за тем, как он ловко разворачивается и уезжает в сторону наших магазинов. – Будет здорово…

– И как все прошло? – возбужденно спрашивает Молли, как только я возвращаюсь домой.

– Думаю, хорошо, – как можно небрежнее говорю я.

– Думаешь, а не знаешь?

– Он производит довольно приятное впечатление. В любом случае, у него нет цели нас разорить – это я точно выяснила.

Молли нетерпеливо вздыхает.

– Значит, он довольно приятный… А ты, по крайней мере, узнала, как его зовут?

– Джек. Его зовут Джек, и он … чудной, – говорю я, осознавая, что именно это слово в полной мере выражает мои ощущения после нашей встречи в пабе. Только что он был упрямым, колючим и слегка бестактным, а затем вдруг стал смешным и, я бы даже сказала, добрым.

Определенно, Джек – загадочная персона, и мне не хочется ждать до открытия магазина, чтобы узнать о нем больше.

Глава 6

– Уф! – пыхтит Себастиан, роняя коробку на прилавок. – Когда в следующий раз отправите меня принести что-нибудь, напомните мне взять автопогрузчик.

– Прости, – говорю я. – Надо было предупредить тебя, что она может оказаться тяжелой.

– О, а что это тут у нас? – спрашивает Анита, появляясь из цокольного этажа.

– Вот, – я достаю из коробки старую швейную машинку, открываю латунные застежки и снимаю чехол.

– Когда я была маленькой, у моей мамы была очень похожая, – говорит Анита, рассматривая машинку. – Она работает?

– Не думаю. Мне ее отдал Ной – решил, она сгодится для оформления витрины. Наверное, ею уже много лет не пользовались. – Я пробую повернуть старую заржавевшую ручку – машинка скрипит, стараясь привести в движение маховое колесо и поднять воображаемую иглу.

– Ну и звуки, – кривится Себастиан. – Ее нужно хорошенько смазать.

– Сомневаюсь, что этого достаточно, но Ной прав: если ее почистить, получится отличный декор для витрины.

– Надеюсь, она вам недорого обошлась, – говорит Себастиан, все еще разглядывая машинку. – Такой рухляди грош цена.

– Вообще-то она мне досталась даром. Нашлась у Ноя во время уборки дома вместе с разным художественным хламом. Его, судя по всему, забрал Джек – тот самый тип, который открывает художественный магазин на центральной улице.

Себастиан толкает локтем Аниту.

– Она имеет в виду, что вчерашнее свидание…

– Правда? – бледно-голубые глаза Аниты округляются. – Я не знала, что у тебя было свидание. Расскажи подробнее.

– И рассказывать нечего. Это было не свидание, а деловая встреча, – я оборачиваюсь к Себастиану. – А ты откуда узнал?

– Утром встретил Молли по дороге в школу…

Ну, разумеется.

– …и она сказала, что Джек, по-вашему, чудной. Вы, наверное, имели в виду «загадочный и таинственный»? – спрашивает он, размахивая руками над головой.

– Нет. Я имела в виду «чудной».

– В каком смысле, милая? – спрашивает Анита.

– Не знаю. Просто он немного странный. Сначала хочет, чтобы с ним держались в открытую, а когда задаешь вопрос, который ему не нравится, сам закрывается.

– Гетеросексуальные мужчины действительно чудные, – констатирует Себастиан. – Это как-то связано с избытком тестостерона, который путает их эмоциональное восприятие. Или с феромонами. Вечно забываю, с чем именно.

– Спасибо, Себастиан. Джек довольно приятный, только он… – я подыскиваю подходящее слово, – очень сложный. У него столько всего в жизни. Вы знали, что он в инвалидной коляске?

Анита и Себастиан кивают.

– Да, я видела его в городе, – говорит Анита. – Лу с почты сказала мне, кто он.

– А мне его показала Эмбер из цветочной лавки, – сообщает Себастиан. – Сами знаете, как у нас в Сент-Феликсе – если ты не отдыхающий, значит сразу у всех на виду.

– Выходит, вы оба о нем знали, а я нет. Могли бы и меня просветить.

– А вы что, ляпнули что-то? – интересуется Себастиан. – Насчет его инвалидности?

– Чуть-чуть… но все в порядке. Я просто думаю, как он будет справляться с магазином, сидя в коляске. Тут и физически здоровому человеку забот хватает.

– Нынешним людям все по плечу, – говорит Анита, проявляя, в отличие от меня, подлинную широту взглядов. – Инвалидность в наши дни не препятствие… иное дело, когда я была молодой. В то время для человека, прикованного к креслу, была одна радость – если тебя кто-нибудь повозит.

В магазин заходит покупательница, и беседа обрывается.

– Доброе утро! Чем вам помочь? – спрашиваю я у озирающейся по сторонам дамы.

– Я ищу шелк для вышивки определенного оттенка, – улыбается она мне.

– Сюда, пожалуйста, – указываю я на лестницу. – Шелковые нитки там.

Дальше день идет по накатанной, с непрерывным потоком покупателей. Когда после обеда Анита уходит домой, их обслуживаем мы с Себастианом, а потом Себастиан отпрашивается пораньше к стоматологу, и клиентами занимаюсь я.

Последний час перед закрытием, когда становится тише, я разбираюсь со швейной машинкой – сначала мою ее с мылом, а затем полирую тряпицей. Закончив, я отхожу назад полюбоваться результатом своего труда.

– А неплохо получилось, – говорю я машинке, еще раз проходя тряпкой по витиеватым золотистым буквам, которые змеятся по черной лакированной поверхности. – Учитывая, сколько тебе лет, ты превосходно сохранилась. Должно быть, с тобой аккуратно обращались.

Я пытаюсь ее запустить – нахожу среди наших запасов подходящую иглу, смазываю маслом детали в надежде, что они снова начнут двигаться, но все мои усилия напрасны. Похоже, машинка окончательно сломалась.

– Застывшая во времени – вот ты какая, – ласково говорю я. – Но ничего, по крайней мере, выглядишь ты все еще хорошо. Возможно, шить мы с тобой больше не будем, но я надеюсь, в нашем магазине тебе понравится.

Я оставляю машинку на прилавке, подсчитываю выручку и, прежде чем выключить свет и закрыть магазин, еще раз смотрю на нее.

Как жаль, что ты не работаешь, думаю я. Это как-то неправильно – бросать тебя тут стоять без дела. Впрочем, сегодня вечером мне предстоит настрочить целые мили стежков на моей современной швейной машинке, а перед этим еще приготовить ужин для нас с Молли. И я с чувством сожаления отправляюсь к себе наверх.

На следующее утро, умывшись, одевшись и погуляв с Барни, я завтракаю с Молли и провожаю ее в школу. После этого спускаюсь вниз с денежным ящиком, наполненным мелочью, и вставляю его в кассовый аппарат. А затем включаю в магазине свет и отпираю входную дверь. Начинается очередной рабочий день.

В это время суток на Харбор-стрит гораздо спокойнее. Слоняются несколько ранних пташек, но еще можно увидеть под ногами брусчатку, а не нескончаемый поток шлепанцев, ботинок и кроссовок, как это часто бывает в разгар лета.

Я раз-другой вдыхаю морской воздух, а затем возвращаюсь в магазин.

– Похоже, день будет теплым, – обращаюсь я к Барни, который устраивается в своей корзинке. – Будем надеяться, что и прибыльным.

Я направляюсь к прилавку, чтобы, пока время позволяет, оформить заказ на закупку, но тут же останавливаюсь как вкопанная и округлившимися глазами смотрю на швейную машинку, которая стоит там же, где я оставила ее вчера вечером.

Что это у нее под лапкой? Вроде бы ткань…

Я бросаюсь к прилавку посмотреть, что лежит у нее на рабочей поверхности, и с изумлением обнаруживаю лоскут светло-голубого фетра с замысловатой вышивкой.

– Ты как сюда попал? – вопрошаю я, осторожно поднимая лапку, чтобы лучше разглядеть рисунок.

Я осторожно вытягиваю ткань, обрезаю нитки, идущие к катушке наверху машинки и к шпульке внутри ее.

Лоскут фетра, который я держу в руках, изумителен по замыслу и исполнению. Стежки образуют рисунок, очень напоминающий гавань с рыбацкими лодками. Я провожу пальцем по шелковым ниткам и понимаю, что это очень похоже на Сент-Феликс. Вполне угадываются маяк, дамба и разбивающиеся об нее бирюзовые волны.

Когда я вчера вечером уходила из магазина, машинка ни в какую не хотела работать, не говоря уже о том, чтобы вышить такое чудо. Откуда оно взялось? И, что важнее, кто это вышил?

– Доброе утро! – чуть позже приветствует с порога Себастиан. – Шикарная погода. Слишком хорошая, чтобы томиться в помещении. Может, прикроем лавочку и устроим корпоратив на пляже? – он с надеждой смотрит на меня, но я качаю головой. Себастиан закидывает удочки по меньшей мере дважды в неделю, когда день погожий.

– Спрос не грех! Кофе? – спрашивает он.

– Ага… – туманно отвечаю я.

– По-ирландски?

– Ага…

– Слушайте, в чем дело? – вопрошает он, кладя свою сумку на стол.

– Ты о чем?

– Вы только что подписались на кофе по-ирландски, и это в 11 часов утра. Вы и в лучшее время почти не пьете, не говоря уже о виски с кофе по утрам!

– В самом деле? Извини, я сегодня немного рассеянная.

– А можно узнать, почему?

– Да странная история. Отнеси сумку наверх, и я все тебе расскажу.

– Звучит интригующе!

Себастиан готовит кофе в кофемашине, которая стоит у нас в квартире, и спускается вниз, где я по-прежнему стою у прилавка.

– Итак, босс, что стряслось? – спрашивает он, отпивая воздушный капучино.

– Вот, – говорю я, доставая из-под прилавка и бросая ему голубой расшитый лоскут.

– Симпатично, – Себастин внимательно его разглядывает. – Чья работа?

Я киваю на машинку, которая сейчас стоит на полке позади нас.

– Не понял! А, вам удалось ее починить и вы это вышили. Фантастика!

– Нет, это не я.

– Но вы говорите, что на машинке. Кто же тогда?

– В том и фокус – я не знаю! Я подумала на тебя, но, судя по твоему виду, это точно не ты.

Себастиан хмурит брови.

– Да нет… это точно не я. Что за фигня? Бессмыслица какая-то!

– Вчера вечером перед закрытием я приводила в порядок машинку. Я пыталась ее запустить, но она ни в какую – заклинило намертво – поэтому я оставила ее на прилавке, думая, что смогу сегодня обновить витрину и поставить ее туда, раз она так здорово отчистилась.

– Ага… – Себастиан пристально смотрит на меня, потягивая кофе.

– Когда я утром спустилась открыть магазин, все было в порядке. Машинка стояла на прилавке, где я ее оставила, но на ней лежало это! – Я беру лоскут. – Причем с нитками от катушки.

– Как странно! И как оно сюда попало?

– Именно это я и пытаюсь понять.

– Может, кто-нибудь положил? – выдвигает предположение Себастиан.

– Так я поначалу и думала, но, во?первых, кому бы это понадобилось и зачем? И во?вторых, как они сюда попали? Магазин запирается на ночь, наверху только мы с Молли, а утром никаких следов взлома не было. А даже если бы были, то зачем кому-то залезать сюда, чтобы подсунуть вышивку в старую швейную машинку?

– Хм, – Себастиан с задумчивым видом потирает подбородок. – А что Молли? Может, она над вами прикалывается?

– Ей я отправила эсэмэс первым делом, но она об этом ни сном ни духом. Я спросила как бы невзначай – не хочу, чтобы она думала, будто кто-то побывал в доме, пока мы спали наверху.

– Разумеется. В таком случае у него должен был быть ключ.

– А ключи от магазина есть только у тебя, у Аниты и у меня. Зачем бы такое делать Аните? Это полный бред.

– Давайте на секунду предположим, что это не Анита.

– Это очень маловероятно.

– Именно. Значит, если это не кто-то из нас троих, а магазин не взломан, значит остается только одна версия.

– Какая?

– Кто невидимкой входит в дом без взлома и так же уходит? И, что важнее, кто всегда оставляет подарок?

Я задумываюсь.

– Совершенно не представляю. И кто же это?

– Ну конечно, Санта-Клаус! – ликует Себастиан. – Поскольку другого разумного объяснения нет, остается только предположить, что вас с опережением графика навестил Дедушка Мороз.

Глава 7

– Эй! – слышу я позади себя, когда сижу на скамейке и наблюдаю за тем, как Барни носится туда-сюда по травке.

Раннее утро, время прилива, и мне совсем не улыбается перед завтраком чистить пса от мокрого песка, поэтому мы с ним пришли на зеленый холм, с которого открывается вид на залив Сент-Феликс. Среди собачников это место пользуется популярностью, и сейчас Барни гоняется за шоколадным лабрадудлем, чья хозяйка уткнулась в мобильный телефон.

– Кейт, Земля вызывает, прием!

Я оборачиваюсь и вижу Джека, поднимающегося по очень крутой асфальтированной дорожке, которая идет по центру холма.

– А, привет! – машу я. – Вы там в порядке? Ой, извините! – я хлопаю себя ладонью по рту. Я, кажется, опять что-то не то сказала?

– Вообще-то не очень, – пыхтит Джек. – Не совсем в порядке. Этот холм – просто чума… но для кардиотренировки самое то.

Он подкатывает к моей скамейке и останавливается, по-прежнему тяжело дыша.

– Надо держать себя в форме, – улыбается он и машет руками в перчатках.

– Это верно, – с облегчением говорю я, радуясь, что не сморозила очередную глупость. – Сегодня у вас другая коляска?

– Это спортивная модель, – говорит Джек, приподнимая небольшое переднее колесо, точно с намерением исполнить трюк на велосипеде. – Ею я пользуюсь для тренировок. Она двигается гораздо быстрее обычной, но не такая удобная.

Я смотрю на коляску. У другой, в которой Джек сидел в пабе, имелись два больших колеса по обеим сторонам и два поменьше впереди. Сегодняшняя коляска похожей конструкции, но выглядит гораздо легче и компактнее, а большие колеса слегка скошены внутрь.

– Я видела подобные на паралимпийских играх.

– Я немного недотянул до них, увы.

– Да ну? Показывали высокие результаты? – мне интересно, каким видом спорта занимался Джек.

– Так себе, – он пожимает плечами. – Я принимал участие в «Играх непобежденных».

– Которые проводятся по инициативе принца Гарри?

– В них самых.

– Они ведь для бывших военных, да?

– Точно. И да, я военнослужащий. Давно признан негодным, но стараюсь руки не опускать.

Я улыбаюсь.

– Здорово, – скалится он. – На этот раз вы оценили мой незатейливый юмор.

– И сколько вы были в армии?

– Довольно долго, – резко произносит Джек, глядя на море. – А что вы делаете здесь так рано утром? Я думал, вы – сова, а не жаворонок.

Совершенно ясно, что Джек не расположен говорить об армейской службе, но с чего вдруг ему пришло в голову думать обо мне?

– Вообще-то я его выгуливаю, – говорю я, кивая в сторону Барни, который сейчас играет в догонялки с лабрадудлем и недавно присоединившимся к ним джек-рассел-терьером. – Чокнутый лабрадор-ретривер – это мой.

– Симпатяга, – Джек смотрит на Барни. – Лабрадоры – классные собаки.

– Они твердо знают, чего хотят – это точно.

– И всегда найдут дорогу к мусорному ведру!

– У вас был лабрадор?

– Когда-то, – тихо произносит Джек и на мгновение задумывается.

Хозяева забирают приятелей Барни, и я свистом подзываю его.

– Классно свистите, – одобряет Джек.

Барни вприпрыжку подбегает к нам и, подозрительно взглянув на Джека, начинает обнюхивать коляску.

– Барни! – шиплю я. – Фу!

– Все в порядке, – говорит Джек. – Он просто проверяет, верно, мальчик?

– Вообще-то я больше переживаю о том, что он может помочиться на вас, – я обеспокоенно гляжу на Барни.

– Бывало и похуже, – смеется Джек.

Но Барни ведет себя безупречно и, закончив обнюхивание, кладет голову ему на колени.

– Похоже, я ему нравлюсь, – говорит Джек, гладя пса по голове.

– Наверное, думает, что у вас есть вкусняшки.

– Прости, дружище, ничем не могу помочь. Давно прошли те дни, когда в моих карманах водились собачьи лакомства.

– На, Барни! – я бросаю собачье печеньице. – И пока хватит.

Барни ловко хватает печенье ртом и жадно проглатывает.

– Можно подумать, я его не кормлю.

Джек с улыбкой смотрит на Барни.

– Как дела с магазином? – интересуюсь я.

– Спасибо, отлично. Если так дальше пойдет, успеем подготовиться к торжественному открытию в пятницу.

– Замечательно. Вы сказали «успеем» – значит, у вас есть помощник?

– Вы имеете в виду, что одному мне не справиться? – он указывает на коляску.

– Нет, вообще-то я имела в виду персонал. – Я скрещиваю руки на груди в защитном жесте. Второй раз на эту удочку я не попадусь.

Джек смотрит на меня с усмешкой.

– Ладно, проехали. Да, у меня есть сотрудница на неполный рабочий день – Бронте.

– Дочь Поппи, у которой цветочный магазин?

– Полагаю, да. Она учится в университете, но сейчас на летних каникулах, так что это только до октября, но я подозреваю, что тогда наступает затишье, так?

Я киваю.

– Тут туристы круглый год, но летом – ужасный наплыв. Похоже, вы уже готовы.

– Надеюсь. Придете на открытие в пятницу? Ничего особенного, но, по-моему, это событие нужно отметить.

– Само собой. Народу много будет – ваших друзей, родственников?

– Наверное, несколько приятелей, у которых магазины, и, если повезет, местная пресса. Открытие художественного магазина вряд ли вызовет большой интерес, так ведь?

– Пожалуй, да. – Значит, у Джека нет ни семьи, ни подруги…

– Конечно, я мог бы козырнуть удостоверением инвалида, чтобы привлечь журналистов, но мне не хочется. Как вы, возможно, уже догадались, это не мой метод.

– В самом деле? – улыбаюсь я ему. – Никогда бы не подумала!

Джек подмигивает мне.

– А как поживает ваш бизнес? Вы выглядели такой задумчивой, когда я давеча окликнул вас. Точно все мирские заботы легли на ваши плечи. Может, я выбрал не лучший момент, чтобы начать бизнес в Сент-Феликсе? С моим-то везением.

– Нет-нет, с бизнесом все в порядке. Уверена, дела в вашем магазине пойдут замечательно. Сюда приезжают за вдохновением художники – любители и профессионалы, галерея «Лайл» привлекает разную эстетствующую публику.

– Тогда почему унылый вид?

– Просто есть над чем подумать.

Мне не хочется посвящать Джека в обстоятельства вчерашнего утра, когда, спустившись в магазин, я обнаружила таинственный вышитый лоскут, оставленный винтажной швейной машинкой.

– Понятно. Мне лучше убраться?

– Нет, все в порядке. В любом случае, нам с Барни пора домой.

– Ничего, если я составлю вам компанию? – к моему удивлению, спрашивает Джек. – Для одного утра мне, пожалуй, хватит. А сейчас моя любимая дистанция – с горки вниз!

– Конечно, – отвечаю я, радуясь этой идее больше, чем можно было бы предположить.

Мы с Барни движемся вместе с Джеком к магазину.

Его умение управляться с коляской впечатляет. Он ловко маневрирует на крутых поворотах и с легкостью по мощенным пресловутой брусчаткой улочкам, точно идет рядом с нами. Мы болтаем, и я вообще забываю о том, что он на коляске, но тут мы приходим к узким ступенькам, которые петляют между домами

в направлении к гавани. Я автоматически собираюсь спускаться и тотчас торможу.

Я поворачиваюсь к Джеку. На языке снова вертится «извините», но я одергиваю себя и вместо этого говорю шутливым тоном:

– Пожалуй, даже вам не удастся туда спуститься на вашем чудо-аппарате!

Джек качает головой.

– Нет, по крайней мере, это будет нелегко. Думаю, здесь наши пути расходятся.

– Необязательно – мы с Барни можем вернуться другой дорогой.

– Не хочу вас напрягать.

– Не говорите ерунды. По правде говоря, я и забыла, что вы на коляске, иначе я бы не пошла туда.

– Сочту это за комплимент.

– Так и есть.

Какое-то время мы идем молча.

– Я вспомнила, о чем собиралась у вас спросить. – Мы как раз проходим мимо антикварного магазина. – Вы ведь купили у Ноя старые принадлежности для рисования?

– Да. А откуда вам это известно?

– Я получила от него старую швейную машинку после той же уборки.

– А… понятно, – я чувствую в нем легкую неуверенность. – И что за швейная машинка?

Меня удивляет его вопрос.

– Старый «Зингер», вероятно, начала прошлого века.

Джек кивает.

– И куда вы ее поставили?

– В магазине. А что?

– Ничего – я просто спросил, и все. А машинка-то работает?

Теперь я не уверена. Технически нет. По крайней мере, своими глазами я не видела, как она работает.

– Нет, ее совсем заклинило. Можно использовать только в качестве декора.

– Жаль.

Еще одна пауза в разговоре – я недоумеваю, почему Джеку так интересна моя швейная машинка.

– Ну, вот мы и пришли, – говорю я, когда мы оказываемся возле магазина. – Мы с Барни и моей дочкой Молли, которая, я надеюсь, уже встала и собирается в школу, живем в квартире наверху.

– Сколько ей лет? – спрашивает Джек.

– Пятнадцать, хотя порой тянет на пятьдесят. По большей части гораздо разумнее меня.

– Приятно знать, что вы не всегда такая строгая, – улыбается Джек.

Я смотрю на него с изумлением.

– Ах, черт, я опять наступил, точнее, въехал в лужу, да?

– Я не строгая.

– Извините, я имел в виду «застегнутая на все пуговицы», а не строгая.

Я снова смотрю на него с негодованием.

– Да нет, я не имел в виду ни того, ни другого. Напряженная? Озадаченная? Настороженная? Да, именно это я имел в виду – вы всегда настороже, да?

– А вы, можно подумать, нет?

– Что вы имеете в виду?

– А то, что, когда я в тот раз спросила вас, почему вы открываете здесь магазин, вы замолчали, а еще раньше явно не хотели говорить о своей армейской службе.

Джек задумывается, а потом согласно кивает.

– Да, пожалуй, вы правы… и на этом я попрощаюсь. Спасибо, что познакомили меня со своим псом. Пока, Барни! – Он дружелюбно гладит его и быстро уезжает по брусчатому тротуару.

Я стою перед магазином, изумленная столь стремительным исчезновением, а потом качаю головой. Что с этим мужчиной не так? Я его совсем не понимаю.

И почему его поведение вызывает у меня такую реакцию?

Глава 8

Когда в пятницу вечером я подхожу к художественному магазину, в нем царит оживление – через открытую дверь на улице слышен ровный шум голосов. Всю неделю в витрине висело объявление, приглашающее на открытие, и, судя по всему, жители Сент-Феликса дружно решили поддержать новую бизнес-

инициативу.

На вывеске над дверью значится «Худ-Нужник», а ниже изображены палитра и кисть. Я улыбаюсь – название очень в стиле Джека.

– Привет! – обращаюсь я к знакомым, протискиваясь в магазин. – Да тут яблоку негде упасть!

В глубине я замечаю Себастиана с бокалом шампанского и начинаю пробираться к нему. К счастью, стеллажи, доверху набитые тюбиками с краской, альбомами для рисования, бумагой для акварелей и всем, что только может понадобиться для создания идеальной картины, стоят довольно просторно, и я добираюсь до него без особых проблем.

– А, вы все-таки пришли! – произносит он, оглядывая меня с головы до ног. – Долго выбирали прикид, да?

– Нет, – вру я. – Надела первое, что попалось под руку.

– Да ну? – со знающим видом говорит Себастиан, прихлебывая из бокала.

– Честно-честно.

По правде говоря, я не знала, что надеть этим вечером. Мне хотелось выглядеть неформально, потому что в Сент-Феликсе никто не заморачивается, в том числе насчет одежды, но в то же время хотелось подчеркнуть, что я принарядилась для праздничного вечера у Джека.

– Просекко? – слышу я у себя за спиной и, обернувшись, вижу Бронте, падчерицу Поппи, с подносом. – Или вам апельсиновый сок?

– Привет, Бронте, – я беру бокал просекко. – Как дела?

Бронте смущенно смотрит на меня.

– Я Кейт, знакомая твоей мамы. У меня магазин товаров для рукоделия и творчества ниже по улице.

– Ну конечно. Простите, Кейт. У меня память как решето. Как вы?

– Спасибо, хорошо. А ты?

– Классно. Сейчас в универе каникулы, и мне нашлась подработка на лето.

– Джек сказал, что нанял тебя. Работать в таком месте тебе понравится.

– Боюсь, здесь слишком много соблазнов, и я буду тратить весь свой заработок, – корчит рожицу Бронте.

– Какой такой заработок? – доносится знакомый голос, и я вижу, как к нам сквозь толпу движется Джек.

Ну конечно. Именно поэтому здесь так много свободного места – по сравнению с прочими магазинчиками Сент-Феликса, где не протолкнуться, Джек сделал свой магазин доступным не только для себя, но и для других посетителей-инвалидов, которым, возможно, захочется сюда заглянуть. Именно поэтому у входа, сбоку от двух ступенек, есть небольшой пандус.

– С твоей зарплатой, Бронте, здесь ничего не купишь, – подтрунивает Джек. – Ты, должно быть, спутала меня со щедрым и великодушным работодателем!

Бронте, судя по всему уже привыкшая к шуточкам Джека, только закатывает глаза и удаляется вместе с подносом.

– Рад, что вы все-таки пришли, – говорит Джек, глядя на меня.

– А как иначе? Я не могла пропустить ваш праздник, – в ответ улыбаюсь я.

– Она здесь только для того, чтобы лично убедиться, что я не продаю товары для декоративно-прикладного творчества, – подмигивает он Себастиану. – Так ведь, Кейт?

– Смех да и только, – я закатываю глаза, как Бронте. – Вы знакомы с Себастианом? – я кладу руку ему на плечо. – Он помогает мне в магазине.

– Нет. Приятно познакомиться. – Джек протягивает руку для пожатия. – Могу поклясться, Кейт отпустила в мой адрес пару крепких словечек, когда узнала, что я открываю этот магазин.

– Еще каких! – тут же брякает Себастиан. – Она металась по магазину, как кошка по раскаленной крыше.

– Неужели? – Джек поднимает брови.

– По-моему, это сравнение неуместно и нелестно, – протестую я, в то время как Джек скалится, а Себастиан энергично кивает. – Я просто переживала за свой бизнес, только и всего.

– А после нашей встречи? – невинно вопрошает Джек, глядя на Себастиана.

– Мурлыкала, как котенок, – улыбается мне Себастиан, но под моим негодующим взглядом тотчас скисает.

– Не обращайте внимания на моего коллегу, – говорю я, чувствуя, что щеки у меня стали цвета кадмиевого пигмента, который лежит на полке за спиной у Джека. – Его порой слегка заносит.

– Люблю прямолинейных чуваков, – говорит Джек, вытягивая руку, чтобы стукнуться кулаками с Себастианом, что тот охотно делает. – Ну, мне надо заниматься гостями! Рад, что вы пришли, Кейт, – он смотрит прямо на меня. – В самом деле рад.

Он сдает назад и, лихо развернувшись, подкатывает для беседы к другой компании.

– М-да, – произносит Себастиан, подняв брови. – Он определенно на вас запал.

– Ш-ш! – я поворачиваюсь спиной к Джеку, точно это поможет заглушить слова Себастиана. – Вовсе нет. Просто у него такая манера – постоянно меня подкалывать.

– Меня он может подкалывать в любое время, – говорит Себастиан, глядя поверх моего плеча. – Вы не говорили, что он такой накачанный.

Я мотаю головой.

– Во-первых, даже если бы Джек был геем, в чем я сильно сомневаюсь, он слишком стар для тебя! – строго шепчу я. – А во?вторых, я даже не заметила, что он… ну, привлекательный, – добавляю я, используя более уместное, с моей точки зрения, определение.

Себастиан ухмыляется и поднимает бокал.

– Кейт, вы можете обманывать себя сколько хотите, но меня вы не обманете!

Вечер продолжается, в магазинчик протискиваются все новые люди – приятно видеть, насколько единодушно жители Сент-Феликса поддерживают новый бизнес. И на открытии галереи «Лайл» было то же самое.

Где-то в середине вечера Джек произносит короткую речь, которую встречают очень тепло. Наконец, удовлетворив свое любопытство и отведав бесплатных напитков и закусок, гости начинают понемногу расходиться, и у меня появляется возможность лучше рассмотреть интерьер магазина.

– Хорошо придумано, да? – обращается ко мне Дек из кондитерской «Синяя канарейка».

– Да, Джек умудрился разместить на небольшом пространстве уйму всего, а загроможденным оно не кажется.

– Это проблема здешних домов. – Дек смотрит по сторонам. – Их строили для рыбаков и их семей, а не для магазинов, где необходимо держать много товара. Со временем дома обретали новую жизнь, приспосабливаясь к нуждам бизнеса, разместившегося в их стенах.

– Значит, на этом месте не всегда была мясная лавка? – спрашиваю я.

Я обожаю слушать рассказы про Сент-Феликс и про то, как он менялся на протяжении многих лет. Если ты благодарный слушатель, то рядом всегда найдется кто-нибудь, готовый поболтать о «старых добрых временах».

– Вообще-то я не знаю, – пожимает плечами Дек. – Когда я приехал сюда, здесь была мясная лавка. А до меня кондитерская принадлежала моему дяде.

– Да, помню, Ант рассказывал мне об этом, когда я заходила к вам в период затишья.

– Тогда это, наверное, было зимой, – печально говорит Дек. – Летом у нас такая суматоха.

– А не надо печь такие вкусные торты, – подкалываю я.

– Ну, это не только моя заслуга – семейные рецепты передаются из поколения в поколение.

– Добрый вечер, – приветствует нас Ной. – Наконец-то народу стало поменьше, и я могу пообщаться с вами. Кейт, я хотел тебе сказать, что машинка замечательно смотрится в витрине.

Мы так и не придумали, откуда взялась вышивка, поэтому вчера я разместила машинку в витрине вместе с моими изделиями, и, как предсказывал Ной, декор получился что надо.

– Да, спасибо, мне очень нравится, – я оглядываюсь по сторонам. – А Джек мог бы придумать что-то подобное с принадлежностями для рисования, которые купил у тебя.

– Может, у него пока нет места? – высказывает предположение Ной. – Он и так много чего втиснул.

– А что за принадлежности? – спрашивает Дек.

– Ной недавно разбирал вещи, и среди них была старая швейная машинка, которая теперь у меня, и старинные принадлежности для рисования – их Ной

продал Джеку для магазина.

– А из какого дома вещи? – интересуется Дек. – Из здешнего?

– Ну да. Из большого викторианского особняка, который стоит прямо перед прибрежной дорогой. У него еще дверь синяя.

Мы с Деком киваем.

– Там на чердаке всякое барахло лежало годами, даже десятилетиями. Вряд ли пожилая хозяйка имела какое-то понятие о том, что там валяется. Ее родные были рады-радешеньки, что я готов забрать бо?льшую часть.

– Сейчас оттуда все вывезли?

– Да, но, по-моему, они хотят быстро его продать. Они торопились освободить его как можно скорее. Я с ними даже толком не общался – вопреки обыкновению, держал связь через агента по недвижимости.

– Печально, когда нашим близким наследство важнее воспоминаний.

– Верно, но я сталкиваюсь с этим сплошь и рядом, – грустно говорит Ной.

– В чем причина всеобщего уныния? – это к нам приближается Джек. – Вообще-то тут вечеринка!

– Мы с Ноем говорили о том, как он разбирал вещи, и я спросила, что вы сделали с принадлежностями для рисования, которые он вам продал. Мы подумали, вы бы могли использовать их сегодня для оформления магазина.

Джек, который секунду назад выглядел очень энергичным и оживленным, вдруг скисает.

– Да места пока нет, – поспешно говорит он. – Я что-нибудь придумаю… потом когда-нибудь. Я ведь не обязан выставлять их напоказ только потому, что купил у вас? – и, к моему удивлению, он с осуждением смотрит на Ноя.

– Э-э… нет, – неловко произносит Ной. – Вовсе нет. – Он допивает бокал и ставит его на ближайшую стойку. – Ну, я лучше пойду. – Он бросает взгляд на часы. – Ана с «ромашишкой» уже, пожалуй, вернулись. Они на свадьбе в Марасионе, – поясняет он.

Мы с Деком киваем.

– Отличный магазин, Джек, – говорит Ной, протягивая ему руку. – Надеюсь, дела пойдут в гору.

– Спасибо, дружище, – Джек пожимает руку. – Прости, что наехал. Сложный день, сам понимаешь.

Ной кивает.

– Ну, увидимся, – обращается он к нам с Деком.

– Пока, Ной.

– А Ромашишка его… дочь? – спрашивает Джек, глядя на нас с Деком.

– Нет, – улыбаюсь я. – «Ромашишка» – это красный минивэн. Ана, подруга Ноя, сдает его напрокат для свадеб и других мероприятий.

– Ясно. Столько всего еще надо узнать о здешних людях.

– У тебя все получится, – говорит Дек. – Потихоньку ты со всеми познакомишься, а потом дороги назад уже не будет! Стоит попасть в нашу банду, пиши пропало, да, Кейт? – Он поворачивается ко мне с жестом «дай пять!», и я охотно хлопаю его по ладони.

– Он прав, но вообще-то отсюда просто не хочется уезжать, – весело говорю я. – Может, мы все здесь слишком друг у друга на виду, и порой тут происходят всякие странности, – я снова думаю о швейной машинке, – но мы – дружная компания, и Сент-Феликс – отличное место для жизни.

– Это верно, – соглашается Дек. – Иногда его даже называют заколдованным. В «Веселой русалке» регулярно травят байки о том, что случалось в здешних местах в далеком прошлом.

– А именно? – любопытствует Джек.

– Всех не перескажешь, – говорит Дек. – Заглядывай туда чаще, и ты всегда найдешь кого-нибудь охочего до баек. Ну, мне тоже пора отчаливать. Где это мой друг-приятель?

– Если ты обо мне, – появляется из-за его спины Ант, – то я как раз искал тебя. Отличный вечер, Джек. А еда – пальчики оближешь!

– Еще бы – вы же готовили, – улыбается им Джек.

– А то, – сияет Ант. – Кто бы сомневался!

Ант с Деком уходят, и я остаюсь с Джеком.

– Куда это Себастиан запропастился? – я недоуменно оглядываюсь по сторонам. – Только что был здесь. Все как-то вдруг разбежались.

– Наверное, из-за меня, – чуть сконфуженно произносит Джек. – По-моему, я действую людям на нервы.

– Не говорите ерунды, – я смотрю на него. – Ну да, порой вы бываете… скажем так, несносным.

– Я не нарочно. Иногда мне кажется, что шутка смешная, а другие считают иначе.

– Это у вас армейские замашки? – мягко говорю я.

– Возможно. Или я просто больной на всю голову.

– Пожалуй, да! – улыбаюсь я ему. – Только когда Ной упомянул про винтажные принадлежности для рисования, вы действительно отреагировали как-то странно. Из-за чего?

– Хмм… – Джек что-то обдумывает. – Возможно, вопрос покажется странным, но с появлением старой швейной машинки не случалось ли с вами чего-нибудь необычного?

– Что вы имеете в виду? – как можно небрежнее спрашиваю я, хотя на самом деле сгораю от любопытства. К чему этот вопрос? Неужели с ним тоже что-то произошло?

– Я имею в виду, – Джек чувствует себя крайне некомфортно, – не сделала ли она … что-нибудь совершенно необъяснимое?

Я смотрю на Джека во все глаза. Это что, очередной прикол? Но Джек выглядит совершенно серьезным.

– Вообще-то … – начинаю я, но тут неожиданно появляется Себастиан под ручку с Бронте.

– Прикиньте, босс, – радостно объявляет он, – мы учимся в одном колледже в Лондоне.

– Я на курс младше Себастиана, – говорит Бронте. – Никогда бы не подумала, что среди наших студентов найдется мой земляк. Мир действительно тесен.

– Не хочу обламывать вам дружеский кайф, – обращается Джек к Бронте, – но я тебе плачу зарплату, и прежде чем идти по домам, нам нужно сделать большую уборку.

– Слушаюсь, босс! – салютует ему Бронте. – Будет сделано! Увидимся, Себастиан.

– Конечно, дорогуша. Как насчет чашечки кофе?

– Заметано, – говорит Бронте. – Все, Джек, ухожу-ухожу.

Бронте начинает собирать бокалы и выбрасывать бумажные тарелки.

– Помощь с уборкой нужна? – спрашиваю я Джека.

– Спасибо, сами справимся. Может быть, как-нибудь при случае продолжим разговор?

– Конечно, – киваю я. – Я загляну, хорошо?

– Буду с нетерпением ждать, – улыбается Джек.

– Не хочу обламывать вам прелесть тет-а-тета, – улыбается нам обоим Себастиан, – но вы позволите, Кейт, проводить вас домой?

Его галантность вызывает у меня улыбку.

– Спасибо, Себастиан, с большим удовольствием.

– Для меня это будет новый опыт – провожать до дому женщину. Я уже чувствую всплеск тестостерона, – он напрягает бицепс.

Я качаю головой.

– Спасибо за прекрасный вечер, Джек.

– Вам спасибо. Надеюсь, будут и другие.

Я вижу, что Себастиан открывает рот для комментария, поспешно хватаю его под руку и волоку в направлении двери.

На выходе я оборачиваюсь и тихо говорю:

– Я тоже на это надеюсь.

Глава 9

– Я выгуляю Барни, – кричу я Аните, беру поводок и свистом подзываю пса. – Мы ненадолго.

– И зайдешь в художественный магазин, да? – спрашивает Анита, появляясь из глубины магазина.

– Нет… ну, возможно, пройду мимо, но зачем мне туда заходить?

– К примеру, чтобы увидеть Джека? – глаза Аниты озорно блестят.

– А ты, я полагаю, уже пообщалась с Себастианом? – спрашиваю в ответ я. – Этот мальчишка разносит слухи быстрее Интернета!

– Я не виделась с Себастианом нынче утром, – в своей обычной скромной манере произносит Анита. – Он сегодня будет после обеда.

– Тогда к чему эти намеки?

– Возможно, мы пообщались по WhatsApp, – неожиданно заявляет Анита. Я даже не предполагала, что ей известно, что это такое, не говоря уже о том, как этим пользоваться.

– Скорее вы там сплетничали!

– Себастиан просто держит меня в курсе. Мы часто говорим о делах – что у него осталось несделанным и наоборот.

– И, судя по всему, о хозяйке тоже!

Анита скромно улыбается.

– Мы просто желаем тебе добра, моя милая. И потом пофлиртовать с симпатичным молодым человеком, должно быть, приятно.

Я вздыхаю.

– Во-первых, Анита, у меня нет никакого желания ни с кем флиртовать. А во?вторых, Джека с большой натяжкой можно назвать «симпатичным молодым человеком». Вот «грубоватый мужчина средних лет со сложным характером» – это, пожалуй, про него.

– Как скажешь, дорогая, – снова улыбается Анита. – Тебе виднее.

На улице я нарочно веду Барни в противоположную сторону от магазина Джека, хотя у меня действительно было намерение увидеться с ним этим утром.

Но вообще-то я не столько искала общества Джека, сколько хотела вернуться к вопросу, который он задал мне накануне, прежде чем нас прервали.

Потому что это случилось снова.

Отпирая магазин сегодня утром, я, как обычно, бросила взгляд на витрину – проверить, все ли в порядке, а то вдруг что-нибудь упало или сдвинулось за ночь?

Все было на своих местах, а еще кое-что прибавилось – очередная вышитая картинка, лежавшая под лапкой швейной машинки, точно ее только что закончили строчить. На ней была изображена огромная бирюзовая волна, разбивающаяся о серо-синие скалы. И опять же, это была мастерская работа, но кто ее выполнил и как она попала в витрину моего магазина?

Я ничего не сказала Аните, когда та пришла. Я устроила ей форменный допрос в связи с первой картинкой, и было ясно, что ни она, ни Себастиан ничего не знают, зато Джек, как мне сейчас стало казаться, может быть в курсе.

Когда Барни вдоволь набегался, я сажаю его на поводок, и мы движемся в направлении центральной улицы и художественного магазина.

В надежде увидеть Джека я заглядываю в витрину и с радостью отмечаю значительное количество посетителей, с одним из которых он увлеченно

беседует про пастельные мелки. Точно почувствовав мой взгляд, Джек поворачивается и машет мне, приглашая войти.

Я указываю на Барни.

Джек кивает и жестом показывает, что скоро освободится.

Пока мы с Барни ждем снаружи, я занимаюсь любимым делом – наблюдаю за людьми.

Середина утра, и большинство отдыхающих еще только выползают из арендованных домов и немногочисленных гостиниц Сент-Феликса.

Публика самая разношерстная: одни одеты по погоде – немного туманной и влажной, с перспективой кратковременного дождя в течение дня – и потому в полной боевой готовности: прочные ботинки, удобные штаны и ветровки. Другие либо совсем не в курсе прогноза, либо упрямо решили на отдыхе носить шорты, футболки и шлепанцы и плевать на последствия.

Я с улыбкой наблюдаю, как они фланируют мимо. Когда я только приехала сюда, мне казалось странным ежедневно сталкиваться с отдыхающими. Они редко куда спешили, и меня раздражало, что они вечно у меня на пути, идут каким-то невероятно медленным шагом. Бо?льшую часть жизни я провела в больших городах, где люди всегда куда-то торопятся, но, прожив несколько недель в Сент-Феликсе, я поняла, что бороться с туристами бессмысленно. Это как сражаться с поднимающимся приливом – все равно проиграешь, поэтому я уступила неспешному и ленивому темпу жизни у моря и сразу почувствовала, что сама стала гораздо спокойнее и расслабленнее.

Из магазина выходит парочка посетителей, а следом за ними в дверях появляется Джек.

– Привет, как дела? – говорит он. – Зайдете?

– С Барни? Вы не против?

– Ничуть. Он же привык к вашему магазину и не станет мочиться на мольберты?

– Надеюсь, что нет.

Джек разворачивается, и мы заходим.

– У меня есть собачья миска, которую я собирался поставить снаружи, – Джек тянется рукой за кассу, – но утро выдалось такое напряженное, что я не успел ее наполнить. Поможете? Тогда Барни сможет попить.

Мне приятно, что он подумал не только о Барни, но и о других собаках, разгоряченных после долгих прогулок и игр в соленой морской воде.

– Конечно. – Я беру миску. – А где у вас?..

– Возле туалета в конце магазина есть раковина, но вы лучше поднимитесь наверх – в кухонном кране вода чище.

– Ок, я быстро. Барни, будь хорошим мальчиком!

Барни уже обнюхивает Джека – выясняет, есть ли у того вкусняшки.

Я прохожу через боковую дверь, ведущую в небольшой коридор, и поднимаюсь по ступенькам с новым ковровым покрытием. И как только Джек по ним перемещается? – недоумеваю я.

Уже наверху до меня доходит, что квартира Джека не особо отличается от нашей с Молли. Через открытые двери просматриваются опрятная крохотная гостиная, две спальни, ванная и кухня – в идеальном порядке и заново переоборудованная. Я включаю воду и думаю: почему Джек решил поселиться здесь, где ему так сложно передвигаться?

Да, квартира, очевидно, прилагалась к магазину, но он мог бы ее сдавать, а сам жить в более удобном месте. Или он мог позволить себе только такой вариант? Нас с Молли устраивает жить над магазином, но Джек – другое дело. Как он справляется?

Я наполняю собачью миску и вдруг понимаю, что все здесь гораздо ниже, чем я привыкла, – раковина, бытовые приборы, плита. Джек организовал все так,

чтобы дотягиваться из кресла.

Я осторожно несу наполненную миску к лестнице и замечаю вторую коляску, сложенную у балюстрады.

Джек оставляет другую коляску внизу, каким-то образом поднимается сюда и использует эту? Я раздумываю над этим, медленно спускаясь по ступенькам, чтобы не расплескать воду.

– Вот, пожалуйста, – радостно объявляю я, идя по уже опустевшему магазину к Барни. Я ставлю миску на пол возле него, и он принимается жадно лакать.

– Спасибо, – говорит Джек, наблюдая за Барни. – Как вы, возможно, догадались, подъем на второй этаж – для меня настоящая экспедиция.

– Как вы вообще поднимаетесь и спускаетесь по лестнице? – как можно небрежнее спрашиваю я, чтобы снова не обидеть его. – Это, наверное… сложно.

– Вот так, – Джек поднимает руки и напрягает хорошо развитые мускулы.

Вероятно, у меня озадаченный вид, потому что Джек продолжает:

– Я сижу на заднице и подтягиваю себя вверх и вниз, – он берется за ручки кресла и несколько раз поднимает тело вверх и вниз.

– Должно быть, вы очень сильный.

– В верхней части тела – да. Чего нельзя сказать про нижнюю. – Он печально смотрит себе на ноги. – Сколько лет уже без них обхожусь.

Тут только до меня доходит, что его ноги, облаченные в свободные брюки, – на самом деле протезы.

– Господи, что случилось? – спрашиваю я, мигом утратив тактичность. – Извините… то есть вы не обязаны рассказывать. Не хочу лезть не в свое дело.

Джек внимательно смотрит на меня – его карие глаза изучают меня, точно под микроскопом.

– Наземная мина, – наконец произносит он будничным тоном.

– Вы на нее наступили? – наивно спрашиваю я.

– Вы хоть что-нибудь знаете о наземных минах? – интересуется Джек, склонив набок голову с насмешливым видом. – Если бы я на нее наступил, меня бы сейчас тут не было.

– Ну да, конечно… простите. Так что же произошло?

– Один из моих товарищей наступил на взрыватель – двое оказались в эпицентре, их разорвало в клочки. Потом их в буквальном смысле собирали по кускам.

– О боже, – содрогаюсь я. Какой кошмар! Бедняга Джек.

– Мне еще повезло, – бесстрастно продолжает он, – я был довольно далеко, так что мне только ноги оторвало. Бо?льшую часть этой, – он указывает туда, где должна быть его левая нога, – а эту до колена.

– Мне так жаль, Джек, – я смотрю ему прямо в глаза, стараясь не глядеть на ноги. – Очень-очень жаль. Это… – я хочу подобрать правильное слово, но все они кажутся неуместными, – …это просто ужасно, – наконец говорю я.

– Не о чем жалеть, – пожимает плечами Джек. – Я ведь уже привык.

– А на протезах было бы не проще ходить? Извините, – снова говорю я. – Лезу не в свое дело.

– Перестаньте извиняться, Кейт! Мы уже закрыли эту тему.

– Изв… – начинаю я и замолкаю.

– Протезы – уместный вопрос, который мне задают довольно часто. То, что вы видите, – он показывает себе на ногу, – это косметические конечности. Они чисто для вида – нефункциональные, поэтому ходить на них невозможно. При таком увечье, как у меня, функциональные протезы противопоказаны. Не то чтобы я горел желанием носить эти, просто люди так лучше на меня реагируют, чем когда ног нет вообще. Но функциональные протезы – штука болезненная, точнее сказать – более болезненная, чем эта канитель, – он хлопает по креслу. – Я далеко не сразу к нему привык, но сейчас ловко с ним управляюсь.

– Я заметила, – улыбаюсь я.

В магазин заглядывает покупатель.

– Простите за беспокойство, у вас есть берлинская лазурь? Я думал, мне хватит, а она закончилась.

– Конечно, – говорит Джек, выезжая вперед. – Масляная или акварель?

– Масляную, пожалуйста. Небо и море тут такие потрясающие, – объясняет он мне, – что я рисую без передышки.

Мужчина рассчитывается с Джеком за тюбик краски.

– Я так рад, что нашел вас, – говорит он в дверях. – Не знаю, что бы я делал, если бы мне не сказали, что вы находитесь на центральной улице.

– Заходите еще! – кричит вслед Джек.

– Обязательно! – покупатель машет рукой на прощание. – Что-нибудь непременно закончится, если я продолжу писать теми же темпами!

– Возможно, вы наткнулись на рыночную нишу, – говорю я Джеку, когда он убирает деньги в кассу.

– В этом-то вся задумка! – говорит Джек. – В наше время товары для рисования в основном покупают онлайн, а я ориентируюсь на тех, кто что-то забыл, у кого закончилось, или на тех, кто начал писать, находясь здесь на отдыхе. Говорят,

эти места способствуют раскрытию художественного таланта, порой даже когда сам человек о нем не подозревает!

– Это правда. Сент-Феликс всегда привлекал художников из-за невероятного света. Они повалили сюда валом, мне кажется, в пятидесятых. А вы сами рисуете?

– Балуюсь немного. Начал на реабилитации и с тех пор малюю. Это очень расслабляет. А вы говорили, что бо?льшую часть своей продукции шьете сами?

– Да, но мне помогают.

– Полезно разбираться в том, чем торгуешь, верно?

– Безусловно. Кстати, – я вспоминаю цель своего визита, – вчера вы собирались что-то рассказать мне о принадлежностях, купленных у Ноя.

– А, это, – Джек выглядит сконфуженно, как и прошлым вечером, когда зашел разговор на эту тему. – Я хотел узнать, не заметили ли вы в швейной машинке что-нибудь необычное?

– В каком смысле необычное? – столь же осторожно спрашиваю я.

– Ну, я не знаю, – Джек опускает взгляд. – Что-нибудь странное?

– Насколько странное?

– Кейт, – теряет терпение Джек, – совершенно ясно, что вы в теме, иначе не отвечали бы вопросами на мои вопросы!

– Значит, вам, вероятно, есть что рассказать, иначе вы не стали бы мне их задавать!

Мы вызывающе смотрим друг на друга.

– Дамы вперед, – Джек делает галантный жест.

– Ну ладно, – вздыхаю я. – Тем вечером, когда машинка попала в магазин, я ее хорошенько вычистила. Оттерла ее до блеска, но работать она не хотела ни в какую, как я ни старалась.

Джек кивает.

– И?

– Ночью она оставалась в магазине, а на следующее утро… – я снова запинаюсь. Сейчас будет такая бредятина – живо представляю, как Джек поднимет меня на смех.

– Продолжайте, Кейт.

– Когда я утром спустилась в магазин – еще до открытия, – я обнаружила в машинке вышивку, точно кто-то сделал ее и оставил для меня.

Я смотрю на него, ожидая услышать ехидный комментарий или увидеть искорки веселья в глазах, но он просто внимательно глядит на меня, ожидая продолжения.

– Что за вышивка? – к моему удивлению, спрашивает Джек.

– Картинка. И очень хорошая – вышивка изумительная. Хотя сдается мне, что это часть чего-то большего.

– То есть?

– Как будто это фрагмент большой картины, вышитой нитками.

Джек кивает.

– Но кто ее положил туда, вы не знаете?

– Понятия не имею. Я опросила всех, кто мог что-то ночью подложить, – ключи от магазина есть только у нас троих, – но все отказываются, мол, ничего не знаем.

Как она туда попала – полная загадка.

– А что было на картинке? – тихо спрашивает Джек.

– На первой была часть гавани. Очень похожая на здешнюю в Сент-Феликсе, а на второй…

– Погодите, была и вторая?

– Да, прошлой ночью. На этот раз на ней была…

– …огромная волна, разбивающаяся о скалы? – к моему изумлению, договаривает Джек.

– Да. Откуда вы знаете?

– Загляните-ка туда, – Джек указывает вглубь магазина. – В кладовку.

– Зачем?

– Пожалуйста, Кейт, просто загляните.

Озадаченная, я иду вглубь магазина и открываю кладовку, на которую он указывает. Внутри много картонных коробок, вероятно заполненных товаром, а перед коробками стоит старый деревянный мольберт, на котором сохранились пятна краски от прежнего владельца. Но только мое внимание приковывает не сам мольберт, а картина, стоящая на нем, и другая – прислоненная к его ножкам.

На одной маслом изображена гавань с белым маячком вдали, а на другой – большие синевато-серые скалы, о которые разбиваются огромные бирюзовые волны.

Глава 10

– Ваши работы? – требовательным голосом вопрошаю я, вытаскивая картины из кладовки и неся их к Джеку. – Это вы так шутите?

– Жаль, что у меня нет такого таланта, и жаль, что не я их написал, потому что тогда, черт возьми, я бы знал, откуда они взялись!

– То есть? – я не улавливаю ход его мыслей. – Как это вы не знаете, откуда они взялись? Ой… – И тут до меня доходит. – Значит, с вами та же история?

Джек кивает.

– Я, как и вы, поставил старый мольберт в витрине на видное место вечером накануне открытия, но когда пришел на следующее утро, на нем была картина с гаванью! Клянусь, я оставлял холст пустым. И ключ от магазина был только у меня – сейчас он есть у Бронте, но третьего дня у нее ключа не было.

– А вторая? – я смотрю на картину с волнами, которая скромно притулилась к стойке с альбомами.

– Она появилась сегодня утром – на сей раз через черный ход. Я попросил Бронте убрать в кладовку картину с гаванью и мольберт, пока я не разберусь, что происходит. Я подумал, что это, возможно, своеобразный обряд инициации, принятый у владельцев магазинов Сент-Феликса – ну, типа розыгрыша для новичка. Я поспрашивал людей во время открытия, но никто ничего не знал. А сегодня перед открытием, как и в прошлый раз, на мольберте оказалась другая картина… Что, черт возьми, тут происходит, Кейт?

– Понятия не имею, – я качаю головой. – Дичь какая-то. Владельцы магазинов точно ни при чем. Иначе почему бы и у меня та же история? Я-то здесь давно.

– Вот именно. Может, это как-то связано с вещами, которые отдал Ной?

– Каким образом? Они что, заколдованные? – шутливо спрашиваю я. – Швейная машинка, которая шьет сама по себе, и мольберт, который сам по себе рисует! В них вселились души прежних владельцев?

Я улыбаюсь, но у Джека такой вид, точно и в него вселились духи.

– Да нет, – он мотает головой, – в подобную белиберду я не верю. Я пятнадцать с лишним лет служил в армии. Там только заикнись про привидений, тебя просто зачморят.

– Тогда что прикажете думать?

– Вообще никакого понятия, – Джек пожимает плечами. – Мистика какая-то.

– Может, подождем – вдруг еще картинки появятся?

– А какие еще есть варианты?

– Странно, что у вас и у меня одни и те же сюжеты, да?

– А что, если их сравнить? – предлагает Джек. – Поймем, действительно ли они настолько похожи – а вдруг это даст ключ к разгадке?

– Тогда, может, я заскочу сегодня вечером с вышивками? Это проще, чем везти картины. – Я смотрю на часы. – Ну, мне пора возвращаться в магазин, а то Анита начнет волноваться, куда я подевалась.

– Отличный план, – улыбается мне Джек. – В какое время?

– Ээ… – я вдруг ощущаю неловкость, точно мы договариваемся о свидании. – Около восьми?

– В восемь подходит, – мы на мгновение встречаемся глазами, и я первая отвожу взгляд.

– Значит, договорились! – излишне радостно восклицаю я и обращаюсь к дремлющему псу:

– Пора, Барни, мы уходим!

Барни зевает и медленно поднимается. Джек с улыбкой наблюдает за ним.

– Он напоминает мне пса, который был у нас в последнем подразделении, где я служил, – задумчиво говорит он. – Тот парень был спрингер-спаниелем, а по характеру – точь-в-точь ваш Барни. Замечательный был барбос и чертовски умный. Благодаря его нюху мы избежали многих опасных ситуаций. Они удивительные животные, служебные собаки. К ним нельзя привязываться, но когда находишься так далеко от дома, ничего не можешь с собой поделать.

Я хочу задать вопрос, но тут в магазин заходит пожилая пара.

– Значит, до вечера? – шепчет Джек.

Я киваю. Он начинает заниматься посетителями, а мы с Барни поспешно ретируемся.

На улице я останавливаюсь, чтобы глубоко вдохнуть свежий морской воздух и унять волнение. Чем же оно объясняется, думаю я, – тем, что странности происходят не только со мной, но и с Джеком, или у меня слегка кружится голова при мысли о том, что мы встретимся снова?

Глава 11

– Ты снова с ним встречаешься? – спрашивает Молли после ужина, когда я торопливо убираю со столика в нашей квартире.

– Вроде того, – кричу я из кухни, складывая посуду в раковину. Жизнь в Сент-Феликсе всем замечательна, но отсутствие места для посудомоечной машины – явный минус.

– Вроде того – это как? – спрашивает Молли, следуя за мной со специями в руках. – Ты идешь к нему или не идешь?

– Это не свидание, если ты об этом. Нам нужно кое-что обсудить, вот и все.

– Что обсудить? – Молли удивленно поднимает брови, закрывая дверцу холодильника. – Оставь, – говорит она, когда я брызгаю на тарелки жидкость

для посуды. – Я вымою, пока ты будешь прихорашиваться.

– Мне не нужно прихорашиваться! – я поворачиваюсь к Молли. – Сказано же, это не свидание. Но, – я снимаю резиновые перчатки и отдаю ей, – спасибо за любезное предложение.

Молли берет перчатки.

– В самом деле, мама, – ее светло-зеленые глаза смотрят на меня серьезно, – мужское общество пойдет тебе на пользу. После Джоула столько времени прошло.

Джоул, мой последний бойфренд, был одной из главных причин того, что я наконец-то решилась оставить хорошо оплачиваемую и надежную работу в финансовой компании и вместе с Молли переехать в Корнуолл, чтобы начать новую жизнь как можно дальше от него.

Ничего такого плохого он не делал – по крайней мере, поначалу. Проблемы начались, когда наши отношения стали сходить на нет. Мы работали в одном здании, где и познакомились, и потому мне пришлось уволиться – чтобы избавиться от него, когда он категорически отказался признать, что отношения закончились.

По мнению одной моей подруги, он слишком меня контролировал, другая считала, что он меня преследует, и советовала обратиться в полицию. Впрочем, поначалу я не хотела поднимать шум из-за Молли. Джоул не проявлял жестокости ни к одной из нас, поэтому привлекать полицию мне казалось перебором, но в конце концов это пришлось сделать, так как он не оставлял меня в покое. Вынудив нас уехать, он, как выяснилось, оказал нам услугу, потому что здесь мы наконец-то зажили счастливой жизнью. Оттого-то ее упоминание Джоула меня удивило, но, впрочем, они неплохо ладили, когда мы были вместе, так что, возможно, в этом и не было ничего странного.

– Твоя правда, – говорю я ей, – времени прошло много, но это не означает, что я готова начать новые отношения только потому, что пару раз встретилась с мужчиной поболтать.

– Знаю, просто я думаю, что тебе было бы полезно. Ты слишком много работаешь, мамочка. Иногда надо развлекаться.

Я тянусь ее обнять, но останавливаюсь и слегка отстраняю ее от себя.

– Постой, ты ведь не только про меня, да? – с подозрением спрашиваю я. – Куда, когда и с кем ты хочешь пойти?

– Мамочка, ты – супер! – улыбается Молли. – Ну, в эти выходные будет вечеринка – брату одной моей одноклассницы стукнет восемнадцать, и он сказал, что она тоже может пригласить своих подружек.

– Восемнадцать? Но тебе только-только исполнилось пятнадцать!

– Ну пожалуйста-а-а… Я не буду пить – ничего такого, как в прошлый раз…

На лице у Молли выражение тревожного ожидания. В прошлый раз я, вопреки здравому смыслу, разрешила ей пойти на вечеринку по случаю Хэллоуина, которую устраивал ее бывший одноклассник. В дни моей юности Хэллоуин предполагал невинные развлечения: мы выпрашивали сладости или доставали зубами яблоки – из воды, а не из гремучей смеси алкогольных напитков под названием «пунш». В итоге бо?льшую часть ночи я провела у постели Молли, пока ее тошнило в тазик, а потом оттирала ковер в тех местах, где она не успела добежать до ванной.

– Я сделала выводы, – добавляет Молли, пока я мысленно взвешиваю «за» и «против». – Я буду предельно осмотрительной, обещаю.

– А кто устраивает вечеринку? Ты знаешь их родителей?

– Сэм, брат моей подруги Эмили.

Я на мгновение задумываюсь.

– А, сын Дженни – такой высокий, рыженький? Он иногда подрабатывает в кафе-мороженом?

Молли кивает.

Дженни и ее муж – люди очень разумные. Уверена, они не допустят у себя дома какого-нибудь безобразия.

– Ладно, можешь пойти, но сначала я переговорю об этом с Дженни.

– Да! – восклицает Молли, вскидывая кулак в воздух. – То есть спасибо, мамочка, ты лучшая! – Она обнимает меня. – Я отправлю Эмили эсэмэс, а потом вернусь и сразу вымою посуду. Кстати, вечеринка будет в общественном центре, – небрежно добавляет она, выходя из комнаты.

Я вздыхаю. Надо было догадаться, что день рождения будет не в недавно отремонтированном доме Дженни и Стива, но я уже согласилась и вообще не могу же я вечно держать дочь под стеклянным колпаком, как бы мне ни хотелось. Она растет, и слишком быстро, и мне придется смириться с этим.

– И подумай насчет того, что я сказала, – заглядывает в комнату Молли. – Ты тоже заслуживаешь счастья, мамочка. Раз Джоул сошел с дистанции, то, может, Джек – тот, кто тебе нужен?

Время подходит к восьми, когда я, сунув вышивки в сумку, направляюсь в магазин Джека.

Я нажимаю кнопку домофона и жду.

– Привет, Кейт, заходите! – несколько секунд спустя слышится в ответ.

Дверь, как по волшебству, открывается, и я оказываюсь в уже знакомом коридоре, который идет вдоль стены магазина.

Я поднимаюсь по ступенькам на голос Джека.

– Я в гостиной! – кричит он, поэтому я пересекаю лестничную площадку и иду к комнате, которую сегодня мельком видела.

– Простите, что не встретил как полагается, – извиняющимся тоном произносит Джек, – но вы уже знаете, почему.

– Не говорите ерунды, все в порядке, – отвечаю я, раздумывая, куда бы присесть. Джек расположился у окна в другом, как я теперь знаю, кресле, которое немного меньше. Я сразу вижу, что протезы отсутствуют – его военные брюки подколоты там, где заканчиваются ноги.

– Вы не против? – Джек замечает направление моего взгляда. – Я ношу протезы только по необходимости – они не очень удобные.

– Нет, конечно. – Не стоило мне пялиться. – С чего вдруг?

– Ну, сами знаете… люди по-разному реагируют на увечья.

– Только не я.

– Да вы садитесь, – Джек указывает на удобный пестрый диван. – Я видел вас из окна. Отсюда отлично просматривается вся улица в оба конца.

– Не сомневаюсь, – говорю я, усаживаясь.

– Я бы предпочел вид на море, но за него и арендная плата выше.

– Нам повезло – наш магазинчик прямо у гавани, и из квартиры открывается чудесный вид на море.

– А с самой Харбор-стрит так не подумаешь. Все магазины кажутся маленькими и мрачными.

– А по-моему, они милые и уютные, – твердо говорю я.

– Да, пожалуй. Они не такие большие, как на центральной улице, но туристов там больше, и торговля оживленнее, так что счет 1:1.

Я смотрю на Джека. Он что, не понимает, что снова того гляди скажет грубость?

– Что-нибудь выпьете? – бодро спрашивает Джек, не дождавшись моего ответа. – Есть разный сок, газированная вода… или, может быть, хотите вина?

– Апельсиновый сок, пожалуйста, – говорю я, все еще чувствуя досаду из-за его – намеренного или случайного – выпада в адрес моего магазина.

Джек кладет руки на колеса.

– А хотите, я могу… – говорю я, приподымаясь. – Нет, конечно же, не хотите. Ну, тогда сами, – я откидываюсь на спинку дивана, раскинув руки.

– По крайней мере, на этот раз вы не извинились, – Джек улыбается мне во весь рот и ловко преодолевает узкий дверной проем.

Вскоре он возвращается с двумя стаканами сока на небольшом подносе, который держит на коленях.

– Могу я взять у вас это? – спрашиваю я, стараясь приглушить сарказм. Я до сих пор не привыкла к его манерам и с трудом лавирую между излишней предупредительностью и беспардонностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Англичане часто называют Лондон «The Big Smoke» или «The Great Smoke».

2

Расстройство сна из-за смены часовых поясов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/maknamara_eli/magazinchik-schast-ya-keyt-i-klary

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить